

Великие Борджиа. Гении зла

Автор:

[Борис Тененбаум](#)

Великие Борджиа. Гении зла

Борис Тененбаум

Гении власти

Хотя история Борджиа прослеживается на протяжении полутора столетий, едва ли не весь свой блеск и громкую славу это семейство стяжало в ничтожный по историческим меркам срок (1492–1503 гг.), когда имена Родриго Борджиа, ставшего Папой Римским Александром Шестым, и его незаконнорожденных детей Чезаре и Лукреции гремели на всю Европу. Их сластолюбие и жестокость вошли в легенду, об их скандальных похождениях судачил весь Рим – и это в самую распутную и кровавую эпоху, когда никого было не удивить ни развратом, ни инцестом, ни заказными убийствами, трупов в Тибре плавало больше, чем рыбы, а итальянские государи, будучи ценителями искусств и знатоками Античности, не считали зазорным хоронить врагов заживо или делать из них чучела для собственных музеев. Но даже в эти времена, когда Гений и Злодейство были вполне «совместны», Папу Александра Борджиа нарекли «чудовищем разврата», «аптекарем сатаны» (как искусного отравителя) и даже «антихристом», его сына Чезаре – «демоном», а Лукрецию – «Вавилонской блудницей», которая-де приходилась отцу одновременно и дочерью, и женой, и невесткой. При этом даже враги не отрицали их политического дара, величая «гениями Зла», правившими по принципу: «Цель оправдывает средства», – а их целью было объединение Италии...

НОВАЯ книга от автора бестселлера «Великий Черчилль» прослеживает всю историю легендарного рода, в котором были не только «антихрист» Александр Шестой, но и еще один Папа Римский, два десятка кардиналов и генерал ордена иезуитов Франциско Борджиа, причисленный Церковью к лику святых...

Борис Тененбаум

Великие Борджиа. Гении зла

Предисловие

Изложить историю династии Борджиа не так-то легко. Хотя бы в силу той причины, что в отличие от прочих династий власть в ней не передавалась от отца к сыну. Так что вернее говорить о семействе Борджиа, а не о династии. Далее, в отличие от прочих семейств, оставивших след в Истории, на долю Борджиа пришлось не 100–200 лет величия, а всего 5–10 – смотря как считать.

Однако они успели вложить в эти годы столько страсти и крови, что и по сей день история их семьи служит любимым материалом для романистов и кинорежиссеров.

Мы попробуем изложить историю Борджиа на свой лад, но их «семейный портрет» нуждается и в определенном «пейзаже». Ибо они жили все-таки очень давно, и мир с тех пор сильно изменился. Действия людей, живших пять столетий тому назад, будут непонятными, если не знать реальностей, с которыми они сталкивались.

И нам надо учесть еще и то, что их жизни были в основном прожиты в Италии и в очень необычное время – в эпоху Высокого Ренессанса. В то время это был особый мир, не слишком похожий на остальную Европу. Борджиа попали туда из довольно захолустной Валенсии, одной из провинций королевства Арагон. Им надо было многому научиться – и очень быстро.

Они оказались хорошими учениками.

Словарь терминов, бывших в употреблении в Италии во времена Борджиа

1. Гонфалоньер – знаменосец. В Папском государстве существовала должность Гонфалоньер Церкви, соответствовавшая должности главнокомандующего войсками римского папы. Во Флорентийской республике была должность гонфалоньера справедливости (правосудия) (итал. *Gonfaloniere di Giustizia*), который стал главой Синьории (Правительства). Ему была поручена охрана конституции «Установления справедливости».

2. Викарий – управляющий, или доверенный смотритель.

3. Титулы папы римского: Епископ Рима, Викарий Христа, преемник князя апостолов, верховный первосвященник Вселенской церкви, Великий понтифик [Патриарх Запада], Примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, раб рабов Божьих. На латыни: *Episcopus Romanus, Vicarius Christi, Successor principis apostolorum, Caput universalis ecclesiae, Pontifex Maximus [Patriarcha Occidentis], Primatus Italiae, Archiepiscopus ac metropolitanus provinciae ecclesiasticae Romanae, Servus Servorum Dei*.

4. Кондотьер (от итал. *condotta* – договор о найме на военную службу) – в Италии XIV–XVI веков руководители военных отрядов (компаний), находившихся на службе у городов-коммун и государей и состоявших в основном из иностранцев. Каждый отряд группировался вокруг кондотьера, который созывал и распускал отряд по своему усмотрению, заключал договоры (кондотты) на ведение военных операций, получал деньги (*soldo* – «плата», см. «солдат») и расплачивался с наемниками. Случалось, что кондотьеры захватывали власть в городах, основывая синьории. В рядах кондотьеров было немало авантюристов. Часто кондотьеры после получения платы за свою работу переходили из одного воюющего лагеря в другой и шантажировали своих нанимателей.

5. Дукат – золотая монета весом примерно в три с половиной грамма. Чеканилась в Венеции, сменила флорентийский флорин как стандарт. Круговая легенда на аверсе гласила: *SIT TIBI CHRISTE DATUS, QUEM TU REGIS ISTE DUCATUS* («Это герцогство, коим ты правишь, тебе, Христос, посвящается»). От последнего слова и произошло обиходное название монеты – дукат.

6. Мадонна – обращение к женщине в Италии XV–XVI веков, соответствующее теперешнему слову «госпожа».

Часть первая

Алонсо

Дон Эстебан де Борха и его одаренный потомок

I

Эмират Валенсия окончил свое существование в 1238 году. Собственно, исламские княжества в Испании к этому времени именовали не эмират, а тайфа, так что говорить надо бы о конце некоего государственного образования под названием «тайфа Валенсия» – но дело тут не в названии, а в том, что правление последнего – исламское правление – тут окончилось навсегда. Эмират Валенсия в той или иной форме существовал на протяжении 228 лет, с 1010 года.

За это время тут сменилось 10 династий, иногда совершенно эфемерных, длившихся буквально пару лет, как было с правлением Абу Ахмада Джаффара (1092–1094), и княжество то присягало кому-то в качестве вассала, то было независимым. В числе сюзеренов значились то королевство Кастилия, то Аль-Моравиды, а одна из династий Валенсии была даже христианской.

Великий воин Сид Кампеадор завоевал Валенсию для себя и правил в ней, и его сменила его супруга, прекрасная донья Химена, но Валенсия была отбита Аль-Моравидами обратно и оставалась исламской в течение долгих 125 лет.

В 1238 году всему этому пришел конец.

Хайме Первый, юный и доблестный король Арагона, захватил Валенсию и установил в ней свое правление, а доставшиеся ему сокровища и земельные владения, как и полагалось по закону и по обычаю, разделил со своими баронами.

Одним из них был дон Эстебан де Борха, со славой носивший свой герб – могучий красный бык, топчущий зеленое поле. Ему досталась Хатива, второй по величине и значению город Валенсии, и туда-то он перебрался и обосновался со всеми своими родственниками. С него род Борха и вел свою родословную и был одним из ведущих в Валенсии. Впрочем, семейство называли не только Борха, но и Боржа, на каталанский лад.

Семейство Борха пустило крепкие корни в новозавоеванной Валенсии – у дона Эстебана было многочисленное потомство, и весь его клан служил арагонским королям и мечом, и советом и процветал, делясь на ветви, и так все и шло вплоть до 1378 года, когда в поместье дона Хуана Доминго де Борха 31 декабря, в самый последний день года, родился младенец, нареченный Алонсо.

Собственно, рождение ребенка, пусть даже и в богатой и влиятельной арагонской семье, мало что меняло в мире – это совершенно неоспоримо. Но младенцу Алонсо де Борха привелось сыграть большую роль в делах Церкви – а как раз в конце 1378 года Церковь вступила в период жестокого кризиса. В сентябре этого года в Риме мятежные прелаты, члены консистории князей Церкви, кардиналов, отвергли папу Урбана Шестого и избрали на его место другого человека, Роберта Женевского, под именем Климента Седьмого. В христианском мире, таким образом, оказались два папы сразу – и они подвергли друг друга отлучению и анафеме.

Начался Великий западный раскол[1 - Великий западный раскол, Папский раскол, Великая Схизма – раскол в Римской церкви в 1378–1417 годах, когда сразу два (а с 1409 года – три) претендента объявили себя истинными папами.].

II

Раскол, ясное дело, возник не на пустом месте. В Европе того времени было две формы власти, духовная и светская, и в 1077 году папа Григорий VII доказал, что духовная сильнее – императору Генриху IV в Каноссе[2 - Хождение в Каноссу, или Каносское унижение (нем. Gang nach Canossa, Canossagang; итал. l'umiliazione di Canossa), – датированный 1077 годом эпизод из истории средневековой Европы, связанный с борьбой римских пап с императорами Священной Римской империи. Эпизод ознаменовал победу папы Григория VII над

императором Генрихом IV.] пришлось принести перед ним покаяние на коленях...

Но два с лишним века спустя, в 1302 году, папа Бонифаций VIII повел речи о верховенстве власти духовной над властью земной и в булле «Unam Sanctam» сообщил «...Urbi et Orbi...» – «...городу Риму и миру...», что в руках папы не один, а ДВА меча, один из которых символизирует духовную, а другой – светскую власть. И коли так, то «...короли должны служить Церкви по первому приказанию папы, который имеет право карать светскую власть за ошибку...».

Что же до папы, то он, Викарий Христа и вершитель дел его на земле, обладает правом связывать и развязывать и не подчиняется никому из людей.

Уж что там вообразил себе папа Бонифаций, сказать трудно – но Филипп Красивый, король Франции, будучи поистине христианским государем, все-таки полагал себя лицом, от папы независимым. А в Бонифации VIII видел не наместника Христа, а некоего Бенедетто Каэтани, которого следует поставить на место. И король собрал так называемые Генеральные Штаты, собрание представителей всех сословий Франции, в котором было представлено и духовенство, обвинил папу Бонифация в ереси и потребовал привлечения его к суду на Вселенском Соборе, а для того, чтобы постановление Генеральных Штатов не осталось просто мертвой буквой и пустым словом, король Филипп повелел своему верному Гийому Ногаре с отрядом отправиться в Италию, схватить папу Бонифация VIII и доставить его во Францию.

Затрещина, которую Ногаре дал папе Бонифацию при аресте, отозвалась эхом по всей Европе – так глубоко престиж папства не падал еще никогда...

Ну, во Францию Бонифаций VIII не попал – он умер через месяц после полученной пощечины. Как говорили – от потрясения. А на его место был избран новый папа, француз, и сама резиденция пап была перенесена из Рима во Францию, в Авиньон. «Авиньонское пленение пап» продолжалось без малого 70 лет, и нельзя сказать, что это было такое уж пленение. Просто папы были французами, большинство кардиналов тоже были французами – и папство, и французская монархия выступали в качестве партнеров, используя силы друг друга для взаимной пользы.

В Авиньоне папы чувствовали себя в безопасности – их защищала светская власть могущественнейшего из монархов Европы. Ясное дело, в светских делах

влияние пап резко упало – но вот зато в делах Церкви оно резко возросло. Епископы и аббаты теперь уж больше не избирались, а назначались, и делалось это, конечно же, папами. Резко выросли доходы папской казны, понадобился аппарат управления финансами, возникла развитая администрация, которой надо было контролировать все сферы церковной жизни.

Но, как известно, ничто не вечно. Неудачи в войнах сильно поколебали престиж французской короны – и папа Григорий XI вернулся в Рим. Он умер через год. Его преемник, Урбан VI, поссорился со своей консисторией кардиналов, и они избрали на его место другого папу, Климента VII, который вернулся в Авиньон.

Ну, а дальше мы уже знаем – папы отлучили друг друга от Церкви.

III

Конфликт так и не получил разрешения. К великому соблазну мирян, духовная власть обрела две главы, и главы эти неистово поносили друг друга и изо всех сил вербовали себе сторонников. Педро IV, король арагонский, предпочитал сохранять нейтралитет, но на стороне Авиньона выступил важный прелат Арагона, его тезка, кардинал Педро Мартинес де Луна. Авиньонский папа Климент VII назначил его своим легатом в Испании, ответственным за защиту правого дела и в Кастилии, и в Арагоне. В Валенсии же эту же функцию защиты правды Божьей взял на себя отец Винцент Феррье, пламенный проповедник, слушая которого прихожане плакали от умиления.

Вот он-то и обратил внимание на юного Алонсо де Борха и предсказал ему большое будущее. Еще до того, как отец Винцент напророчил, что «...Алонсо украсит мир и послужит чести своего рода...», он уже двигался по стезе духовной карьеры – в возрасте четырнадцати лет стал студентом канонического права в университете в Лериде. Там он и получил докторскую степень, причем как юрист изучал не только церковное, но и гражданское право – и показал в этом такие успехи, что позже и сам читал в университете лекции. В 1387 году король Педро умер, и его наследник Хуан Первый оставил политику нейтралитета и целиком и полностью встал на сторону Авиньона. Это оказалось на редкость мудрым решением, потому что в 1394 году авиньонский папа Климент скончался и на его место был избран кардинал Педро де Луна, ставший

папой Бенедиктом XIII.

При арагонском папе для арагонских королей открывались самые хорошие перспективы, и благорасположение Святого Престола помогло и Алонсо де Борха. Его сделали каноником кафедрального собора Лериды. А уж заодно передали функции и «официала», то есть как бы официального чиновника Церкви не только самого собора, но и вообще всей епархии. На этом посту он показал высокую компетентность и заслужил всеобщее одобрение.

Здесь же Алонсо де Борха узнал кое-что и о политике. Папа Бенедикт поссорился с королем Франции и был вынужден бежать в Перпиньян, под защиту арагонского войска. В дикой сваре кардиналы и из Авиньона, и из Рима собрались в Пизе, низложили обоих пап – и римского, и авиньонского – и избрали на их место третьего, Александра Первого, который, однако, вскоре умер. Его сменил Иоанн XXIII, и даже такому ученому юристу, как Алонсо де Борха, нелегко было понять, на чьей же стороне тут правда.

И вот тут-то новый король арагонский, Мартин, скончался, не оставив наследника. Вопрос об урегулировании престолонаследия пал на плечи папы Бенедикта, все еще укрывавшегося в Арагоне от своих врагов. Дело было нелегким – королевство Арагон состояло из собственно Арагона и из присоединенных к нему провинций, Каталонии и Валенсии, и надо было найти кого-то, кто устраивал бы всех. В конце концов, проявив большую мудрость, папа Бенедикт сумел провести того кандидата, который его устраивал, – это был принц Фернандо, внук арагонского короля Педро Третьего. Новый король был очень обязан папе – и он не только поддержал его в его делах, но и стал опираться на его приверженцев. Одним из них был Алонсо де Борха.

Теперь он служил не только папе, но и королю.

IV

Что сказать? Служба пришлась очень кстати, потому что звезда патрона и покровителя Алонсо де Борха, папы Бенедикта, Педро де Луна (или как его стали звать в Европе – папы Луна), стала все очевиднее закатываться. Собравшийся в 1414-м Констанцкий Собор[3 - Вселенский Собор в городе

Констанце, собранный там по настоянию императора Священной Римской империи Сигизмунда. Проходил с 16 ноября 1414-го по 22 апреля 1418 года. Собор в Констанце восстановил единство Католической церкви.] низложил всех трех пап, настаивавших на своих правах, и избрал нового, Мартина V. А поскольку папа Луна отказался принять решение Собора, он был отлучен от Церкви.

Упрямый старик не сдался и продолжал сидеть в своем неприступном замке на побережье Арагона, окруженный четырьмя кардиналами, сохранившими ему верность, – но к тому времени Алонсо де Борха был уже личным секретарем Альфонсо V, короля Арагонского, и служил ему так, что король доверил ему обучение своего сына Ферранте. Сын был незаконный, но рос мальчиком многообещающим, и мы о нем еще не раз услышим.

Что до Алонсо де Борха, то он стал одним из главных советников короля Альфонсо, способствовал его примирению с новым папой римским и был награжден – в 1429 году его возвели в сан епископа Валенсии.

Он оказался прекрасным дипломатом, вел переговоры между королем Арагона и его братом Хуаном Наваррским и кузеном Хуаном Кастильским, а в 1420 году, когда королю Альфонсо удалось наконец захватить Неаполь, он послал Алонсо де Борха на Собор в Регенци в Арагоне в качестве своего вице-канцлера. Уже в 1421 году Альфонсо V предлагал папе римскому дать Алонсо де Борха, своему доверенному секретарю и вице-канцлеру, красную шапку кардинала – но успеха не добился, папа просьбу проигнорировал, хоть и вежливо, без прямого отказа.

Было сочтено, что епископства в Валенсии для него вполне достаточно.

Начиная с 1432 года Алонсо де Борха пришлось сосредоточиться на делах арагонской короны в Италии. Обладание Неаполем было хоть и достигнуто, но оставалось шатким, и королю Альфонсо требовалось иметь там превосходного политика, юриста и дипломата, на которого он к тому же мог спокойно положиться. Алонсо де Борха в придачу к прочим своим качествам был лоялен и надежен. И к тому же способен быстро учиться. Это было необходимо, ибо он входил в новый мир, не похожий на тот, в котором он жил раньше.

В XV веке в Европе правило копые.

Конечным доводом в любом споре являлась военная сила, а закованный в латы рыцарь верхом на боевом коне и с длинным копьем в руках представлял собой такую силу в наиболее концентрированной форме. Конечно, он не мог действовать один – ему были нужны оруженосцы, но рыцарское копье было настолько мощным оружием, что рыцарь и все, кто был ему необходим как помощники, в сумме представляли собой воинскую часть, некую единицу военной силы, которая так и называлась – «копье». На то, чтобы снарядить такую военную единицу, требовались ресурсы целой деревни, но так и делалось, ибо не было ничего важнее. Сила государств Европы измерялась в количестве «копий», которые они могли выставить.

Следовательно, государям было необходимо иметь как можно больше деревень. Конечно, к ним хорошо было иметь в добавку и какие-нибудь рудники, и торговые города, где можно было устраивать ярмарки, и так далее – но самым главным было иметь обширные земли.

Это было правилом номер один: земля – основа могущества.

Но в Италии это правило оказалось перевернутым наизнанку. Там торговые города перестали быть просто местом для проведения ярмарок, а стали вместо этого центрами производства таких вещей, которые нигде больше делать не умели. Если рыцарю хотелось заполучить изысканную одежду из тонкого цветного сукна, ему следовало купить его, а делали сукно во Флоренции. Если ему хотелось облачиться в самые лучшие доспехи, какие он только мог себе представить, – надо было обращаться в Милан. А если ему приходило в голову порадовать себя чем-нибудь редкостным, что привозилось с Востока, – к его услугам были венецианские купцы, у которых чего только не было. На этом и выросли торговые города Италии и стали уже не городами, а государствами.

И оказалось, что поперек Апеннинского полуострова, поперек всей Италии, прошла разделительная линия. Великое государство итальянского Юга, Неаполь, управлялось примерно так же, как прочие рыцарские королевства, – копьем. Три великие державы северной Италии – Милан, Флоренция и Венеция – стояли на торговле и тонком ремесле.

На Севере Италии правило «золото». «Копья» здесь покупали.

А посередине между Югом и Севером, разделяя «копье» и «золото», лежали Папская область и ее столица, великий Рим.

Здесь правила Церковь.

Алонсо Борджиа, князь Церкви

I

К середине XV века Рим несколько вырос, но по-прежнему сильно уступал по-настоящему крупным городам Италии вроде Флоренции, а уж о том порядке, который завела у себя Светлейшая Республика Венеция, римлянам оставалось только мечтать. Единственным крупным «продуктом», которым Рим мог похвастаться, был папский двор, который притягивал к себе просителей и паломников, дороги, которые вели к Риму, контролировались баронами, в теории связанными вассальной присягой Святому Престолу, но на практике весьма независимыми, и в самом городе Риме могучие кланы – Колонна и Орсини – имели свои укрепленные резиденции. Начиная с Мартина V, окончательно утвердившего Святой Престол в Риме, все папы поощряли своих кардиналов в Риме же и селиться и в придачу к кардинальской шапке передавали им попечительство о той или иной римской церкви. Но поскольку жить в городе было небезопасно, кардиналы, как правило, свои резиденции строили так, чтобы при случае они могли послужить и оборонительной позицией.

Алонсо де Борха в следующие 10 лет в Италии в основном и жил, а когда в 1444 году наконец стал кардиналом, то окончательно перебрался в Рим. Там его стали звать на итальянский лад – не Борха, а Борджиа.

Ему тоже понадобилась резиденция – исключением из правила он не стал. Алонсо ди Борджиа, «испанский кардинал», получил на свое попечение церковь под названием Basilica dei Santi Quattro Coronati – «Санти-Куаттро-Коронати», или «Четверых Коронованных Святых». Вот ею он и занялся. Была выстроена и резиденция, примыкавшая к церкви, но она была сравнительно простой.

Причины тому были несложные: во-первых, кардинал Алонсо ди Борджиа был небогат, ибо его доходы ограничивались тем, что он получал как епископ Валенсии, во-вторых, у него было на диво мало врагов, так что строить башни и фортификационные укрепления ему было незачем. Жизнь он вел скорее аскетическую, много занимался госпиталем при церкви, помогал бедным и не вмешивался в свары в Священной коллегии.

У него хватало других забот – в первую очередь дипломатических.

Собственно, он и кардинальскую-то шапку получил в знак благодарности за примирение короля Альфонсо со Святым Престолом. Папа Евгений IV признал дон Альфонсо законным королем Неаполя и согласился с тем, что его наследником там станет принц Ферранте, незаконный сын короля Альфонсо. Альфонсо был правителем Арагона, Каталонии, Валенсии, Сицилии и Сардинии, законных детей у него не было, и свои наследственные владения он должен был передать брату, дону Хуану. Неаполь он считал своим личным завоеванием и собирался оставить его своему побочному сыну – и Алонсо де Борха, в ту пору епископ Валенсии и секретарь короля, сумел представить папе это решение в самом благоприятном свете.

Он указал Святому Отцу на то обстоятельство, что куда лучше иметь соседом Ферранте как короля Неаполя – и только Неаполя, чем какого-то другого принца, у которого в руках окажется не только Неаполь, но вдобавок еще и все ресурсы Арагона. На том и порешили.

И Ферранте, бывший воспитанник Алонсо де Борха, стал наследным принцем Неаполя, а Алонсо де Борха стал кардиналом.

Силою вещей он стал к тому же представителем интересов короля Арагона в Риме.

II

Свою роль дипломата кардинал Алонсо Борджиа выполнял превосходно – между папским престолом и Неаполем сложился подлинный союз. Это было весьма

нелишним делом – положение папы Евгения как светского государя было нелегким, хотя бы потому, что у него не имелось собственных вооруженных сил, а защита владений Святого Престола находилась в руках так называемых викариев Церкви, которые обладали изрядной долей самостоятельности и повиновались только тем приказам, которые находили удобными для себя. Так что когда Франческо Сфорца начал действовать не только на севере, но и в центре Италии, выкраивая себе независимое княжество и подбираясь все ближе к владениям папы в Романье, помощь из Неаполя пришла очень кстати. В начале 1447 года пятитысячное войско короля Альфонсо подошло к Риму и собиралось было двинуться на Флоренцию, союзницу Сфорца в Тоскане, когда папа Евгений неожиданно скончался. В Риме начался конклав – и в принципе король Альфонсо мог бы повлиять на его исход, но его мудрый советник кардинал Алонсо посоветовал ему не вмешиваться. Новый папа не должен был выглядеть «ставленником арагонцев» – это могло обвалить на Неаполь войну против всех остальных государств Италии. В итоге 6 марта 1447 года новым папой был избран Томмазо Парентучелли, принявший имя Николая V.

Он высоко поднял престиж папства – в 1452-м в Рим прибыл Фридрих, носивший титул короля римского, которым облакался глава государей Германии, и считавшийся в силу этого императором Священной Римской империи. В Риме его принимали с великой помпой, а он «держал стремя» папы, помогая ему сесть в седло. Жест был символический, означавший признание главенства папы как духовного главы всего христианского мира. После визита в Рим император проследовал дальше на юг, в Неаполь, где его ждал прием еще более великолепный.

К исходу выборов папы в 1447 году кардинал Алонсо особого отношения не имел. Следуя собственному совету, который он дал своему королю, он тоже придерживался строгого нейтралитета. Но к визиту императора Фридриха в Неаполь он руку, несомненно, приложил и тем еще больше поднялся в глазах короля Альфонсо.

Благоволение государя было немедленно использовано для продвижения семейных интересов.

Потомки дона Эстебана де Борха в пределах Валенсии были людьми влиятельными, но теперь перед ними открывались совершенно новые перспективы. У Алонсо де Борха, ставшего в Риме кардиналом Борджиа, была старшая сестра Каталина, и ее сын Педро де Борха, принявший святые обеты,

был намечен на пост епископа в епархии Сегорбе, в Валенсии. Его брат, Луис де Мила, перешел под непосредственную опеку дядюшки. За ним последовали сыновья другой сестры кардинала Алонсо, Изабеллы. Старшего звали Педро Луис, младшего – Родриго.

Родриго дядя сделал так называемым *sacristan*, то есть хранителем драгоценных одеяний и сосудов главного собора Валенсии[4 - *The Borgias*, by Ivan Cloulas, Franclin Watts. New York, Toronoto, 1989, page 15.].

Родриго де Борха предстояло большое будущее.

III

Папа римский Николай V скончался в ночь на 24 марта 1455 года. Уже 4 апреля в Риме собрался конклав кардиналов – усопшему было необходимо избрать преемника. В общем-то, времени подумать у высших прелатов было достаточно – папа долго болел, но ни к какому определенному решению они так и не пришли. Весной 1455 года в Священном Совете кардиналов состояло 20 человек, но пятерых из них в Риме не было: отсутствовали два француза, два германца и единственный кардинал-венгр, представленный в Совете. Из 15 присутствующих кардиналов семеро были итальянцами, четверо – испанцами, двое – французами и двое, как ни странно, – греками, представлявшими Византию.

В отчаянной попытке спасти погибающую империю последний византийский император Константин Палеолог согласился пойти на унию, подчиняющую Восточную, греческую, церковь Западной, латинской. Флорентийский Собор[5 - Флорентийский Собор, состоявшийся при понтификате папы Евгения IV, сначала собрался в Ферраре, а потом во Флоренции. В то время как Латинская церковь с трудом выходила из великого раскола, который пошатнул ее устои, и в то же время, когда схизматический Собор продолжал работу в Базеле, Флорентийский Собор ставил перед собой задачу воссоединения отдельных Восточных церквей. Единство веры, которое должно было служить основой сближения, требовало обсуждения тех догматических аспектов, которые Восточные церкви не признавали. Длительные и трудные дискуссии завершились разными объединительными декретами, в основном с греками в 1439 году, с армянами, коптами и, наконец, с эфиопами (яковитами) в 1442 году.], собранный еще при

папе Евгению, торжественно объединил обе Церкви. Евгений IV известил об этом весь христианский мир, издав 6 июля 1439 года специальную буллу на этот счет (ее текст есть в Приложениях), но решение о прекращении раскола было с негодованием встречено в Константинополе и так и осталось в основном на бумаге.

А в 1453 году Константинополь пал – и вопрос и вовсе перестал иметь практическое значение: помощь с Запада так и не подоспела. Собор Святой Софии в Константинополе стал мечетью, а греческому патриарху надо было улаживать отношения уже не с папой римским, а с турецким султаном.

Падение Константинополя произвело в Европе потрясающее впечатление. Вроде бы дело давно к тому и шло, и вся Византийская империя давно уже свелась к самой столице да к небольшим полоскам побережья Греции (Мореи) с островами, и все прекрасно знали, что само решение об объединении Церквей было со стороны греков шагом, вынужденным только отчаянной необходимостью, – но все равно очень многие восприняли конец Византии как конец света. Последние два года своего понтификата, с 1453 и до 1455-го, папа римский не знал заботы более важной, чем организация общехристианского отпора туркам.

Понятно было, что эта забота перейдет и к его преемнику, кем бы он ни был.

Вопрос был настолько накален, что первым кандидатом на Святой Престол оказался кардинал Виссарион – греческий прелат, бывший епископ Никейский, принявший Великую Унию и получивший за это свой сан князя Церкви. За него на Совете высказались 8 человек из 15.

Однако поддержка его быстро сошла на нет, и на первый план вышла другая кандидатура. Это был племянник давно уже усопшего папы Евгения, кардинал Пьетро Барбо. Важно было то, что он был венецианцем, а война с турками потребовала бы самого деятельного участия Светлейшей Республики Венеция с ее могучим флотом. Пьетро Барбо тоже не удалось собрать большинства. Возникла была кандидатура кардинала Капраника, но он был римлянин, и это само по себе вносило в политические расчеты дополнительные осложнения. Дело тут в том, что в теории Церковь была единым организмом, но на практике на выборную должность главы христианского мира в первую очередь претендовали итальянцы – было очень трудно избрать кого бы то ни было без их согласия.

Сильнейшей итальянской фракцией, естественно, были римляне, но они делились на две непримиримые группировки «римских баронов» – семейств Колонна и Орсини, отчаянно соперничавших друг с другом. Кардинал Капраника был другом семейства Колонна – и Орсини сумели заблокировать его избрание. В общем, поскольку договориться не удалось, все заинтересованные стороны согласились в том, что они друг с другом не согласны, и сошлись на временном решении – был избран нейтральный кандидат. Конечно же, в таких случаях выбирают самого старого и больного. Такой кандидат нашелся. Ему было уже 77 лет, он был болен – по слухам, даже не просто болен, а болен проказой – и по всем признакам должен был уже вскоре покинуть юдоль земную и переселиться на небеса.

Избрание состоялось 8 апреля 1455 года.

Новым папой римским под именем Каликста III стал Алонсо де Борха, араговец, известный в Риме как кардинал Борджиа. Конечно, в апреле 1455-го никто этого знать не мог, но актом избрания кардинала Алонсо в папы была основана целая династия – династия Борджиа.

Каликст III, папа римский из рода Борджиа

I

«Я, Каликст Третий, папа, обещаю и клянусь перед Святой Троицей, и перед Отцом, Сыном и Святым Духом, и перед Марией, Матерью Божьей, и перед апостолами Петром и Павлом, и перед всей ратью небесной, что я сделаю все, что в моей власти и в моих силах, для того, чтобы вернуть христианству Константинополь, захваченный и поработоченный врагом Христа, распятого Спасителя, безбожным Магометом, государем турок, посланным нам в наказание за грехи наши...» – так начиналась торжественная клятва, принесенная папой римским Каликстом, звавшимся в миру Алонсо де Борха, в Риме известным также как кардинал Алонсо Борджиа, князь Церкви.

Вообще-то, церемония восхождения нового папы римского на Святой Престол была разработана до мелочей, но в данном случае новый папа решил внести в отлаженный ритуал новый элемент и принес свою торжественную клятву: организовать Крестовый поход.

Текст произнесенной им клятвы разнится от источника к источнику. Согласно одному из них[6 - *The Borgias, by Ivan Cloulas, page 23.*] папа Каликст даже использовал цитату из Псалмов: «Если забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет рука моя...» (Псалмы, 137:5) – но в том, что клятва была дана, сходятся все источники. Дальше процедура интронизации и коронации папы римского пошла по заведенному веками порядку – перед Каликстом троекратно сожгли на посохе пучок пакли, и он выслушал следующее[7 - *Same book, same page.*]:

«*Pater Sanctissime, sic transit Gloria mundi!*» – «Святейший Отец, так проходит мирская слава!»

Получив напоминание о смертности, и краткости бытия, и тщете мирской, новый папа был венчан тройной тиарой и выслушал еще одну формулу[8 - Перевод с английского текста сделан автором и может отличаться от канонического русского варианта.]:

«Получи же тиару, осененную тремя золотыми венцами, и знай, что ты отныне – отец государей и королей, и управитель вселенский, и Викарий Господа Нашего, Иисуса Христа, Коего чтим мы и прославляем от века и до века. Аминь!»

В общем, как обычно, новый понтификат был начат на высокой ноте – и, как часто случалось в те времена, почти немедленно эта высокая нота оказалась заглушена скандальной сварой.

Сцепились два римских семейства – сторонники графа Эверсо ди Ангульера подрались со свитой Наполеоне Орсини, один из людей которого был в свалке заколот. Ну, Орсини были не такие люди, чтобы молча снести обиду, – и под крики «Вперед, за Орсини!» толпа взяла штурмом дворец графа на Кампо ди Фьори. Тем бы дело и закончилось, но граф Ангульера был известен как «друг семейства Колонна» – и где-то через пару часов в Риме уже было несколько тысяч человек, готовых к бою кто за честь дома Орсини, кто за честь дома Колонна.

В общем, папе Каликсту пришлось начинать свое правление с того, чтобы попытаться навести порядок в Риме, а вовсе не на далеких берегах Босфора. А поскольку ни собственной армии, ни своей полиции у него не было, ему пришлось обратиться за содействием к кардиналу Орсини и к его брату, префекту Рима, досточтимому сеньору Франческо Орсини. «Римские бароны» напомнили Святому Отцу, «управителю вселенной»: вселенная вселенной, а в Риме реальная сила – у них. Возможно, и драка-то случилась не так уж случайно, а именно как «напоминание».

В своем роде – это тоже был ритуал.

II

Политика, в общем, может быть описана как сложная логическая игра вроде шахмат, и в ней, как и в шахматах, есть свои и комбинации, и неожиданные повороты, и скрытые до поры ловушки. Есть в ней и свои «дебюты», когда в стандартной, общей для всех позиции, на какой-нибудь хорошо известный ход противника следует наиболее рациональный и проверенный практикой ответ.

Если рассматривать свалку в Риме как ход клана Орсини, призванный напомнить новому папе, что без содействия клана он править не сможет, то на такой «гамбит» имелся давным-давно разработанный ответ, и заключался он в том, что всякий новый папа, вступая в свои права, начинал немедленное продвижение своих родственников на важные посты. Ему была нужна политическая база – надежная, зависящая только от него самого...

Каликст III, разумеется, не стал исключением.

Проблема, однако, была в том, что перед избранием он пообещал собранию кардиналов – Священной коллегии, что он не будет продвигать своих родных на места, дающие им политическое влияние.

Это, кстати, тоже был стандартный ход – будущему папе перед его избранием ставились определенные условия, и чем слабее был кандидат, тем жестче эти условия были. «Арагонский кардинал» Алонсо де Борха был слабым кандидатом,

так что он поначалу ограничился тем, что назначил своего племянника, Родриго де Борха, на итальянский манер именуемого Родриго Борджиа, на пост апостолического нотариуса – что-то вроде нотариуса для высшей канцелярии Церкви. Куда более существенным делом было другое назначение: Луис де Мила, тоже племянник папы Каликста и кузен Родриго, был назначен губернатором Болоньи.

Папские владения, или Папские государства, или Папская область – названия владений варьировались, – в принципе были обширной территорией, включавшей в себя чуть ли не всю центральную Италию и тянувшейся от Тирренского моря на западе до Адриатического моря на востоке. Однако эта территория была очень неоднородной и состояла из самых разных административных единиц – от горных гнезд викариев Церкви, в теории подчинявшихся Святому Престолу, но на практике почти независимых, и до богатых городских коммун вроде Болоньи. Налоги, понятное дело, платили в основном именно коммуну. Так что назначение племянника в Болонью имело смысл – это был, наверное, самый важный пункт налоговых поступлений Папской области.

Туда же, в Болонью, был отправлен и Родриго Борджиа. Он должен был изучать там церковное право – и действительно, за каких-то 16 месяцев (вместо обычных 5 лет) он получил там докторскую степень. Родриго Борджиа был очень умным молодым человеком, но своим столь быстро испеченным докторатом он все-таки был обязан не своим дарованиям, а фаворитизму – занятиями он себя не изнурял. Тем временем дядя Родриго, Каликст III, сумел преодолеть сопротивление Курии и сделал кардиналами и его, и Луиса де Мила.

Он сделал не только это.

Луис де Мила получил в качестве подведомственной ему церкви ту, которую раньше держал сам Алонсо де Борха, – церковь Четырех Коронованных Святых. А вот Родриго досталась маленькая церковь Святого Николая, расположенная недалеко от Капитолия.

Прямо напротив нее в былые, античные времена располагался Театр Марцелла, построенный еще при императоре Августе[9 - Театр Марцелла (лат. *Theatrum Marcelli*, итал. *Teatro di Marcello*) – театр близ правого берега Тибра в Риме, строительство которого было задумано Юлием Цезарем, а осуществлено Октавианом Августом, который в 12 году до н. э. посвятил его памяти своего

покойного племянника Марка Клавдия Марцелла. При диаметре в 111 м театр мог вместить 11 тысяч зрителей.]. Ну, античность античностью, но в данном случае дело было не в ней. А дело было в том, что на развалинах старого театра в Средние века была выстроена крепость.

Она принадлежала семейству Орсини.

III

«Человек предполагает, а Бог располагает» – эта благочестивая русская поговорка как-то невольно приходит на ум, когда с дистанции в пять с половиной веков смотришь на понтификат Каликста III, первого папы из рода Борджиа. Выбрали его в основном из тех соображений, что больной 77-летний кардинал, без всяких семейных корней – и в Италии в целом, и в Папской области в частности – будет удобным промежуточным местоблюстителем Святого Престола в тот короткий период времени, в который Господь попустит его пребывание на грешной земле.

Он, однако, обнаружил большую энергию и очень быстро навел в Риме такой порядок, который его устраивал. Папа вовсе не ограничился продвижением двух своих племянников в кардиналы. У Родриго Борджиа был старший брат, Педро Луис де Борха (или иначе Педро Луис Борджиа), оставшийся мирянином.

Каликст III сделал его капитан-генералом Церкви, то есть главнокомандующим ее войсками, и передал ему комендантский пост в замке Святого Ангела – крепости, примыкавшей к Ватикану и устроенной из мавзолея римского императора Адриана. Шаг этот встретил большое сопротивление со стороны семейства Орсини, но их протесты были проигнорированы. А когда кардинал Капраника поднял было голос, оспаривая решение папы и прозрачно намекая на нарушение заключенных с Курией условий, ему это ничуть не помогло.

Собственных войск у папы было мало, но он уже успел заключить некое соглашение с семейством Колонна, и в результате большинство в Курии поддержало назначение, а кардиналу Орсини пришлось бежать из Рима. Пошли слухи о том, что Педро Луис возьмет себе жену из рода Колонна, скрепив этим союз, а пока он был сделан префектом Рима.

Так что те «римские бароны», которые рассчитывали на «краткое и кроткое правление» глубокого старика, оказались не правы, и расчеты их тоже оказались построены на песке.

Но точно так же, на песке, оказались построены расчеты самого папы Каликста, связанные с Крестовым походом. Он не зря давал торжественную клятву освободить Константинополь – для него Крестовые походы не были отдаленным воспоминанием, войны Реконкисты в Испании были живой реальностью, и сам род де Борха вырос на землях отбитой у мусульман Валенсии.

Но вот тут папу Каликста III ожидало горькое разочарование. Ни один из государей Европы не откликнулся на его призыв. Он послал своих кардиналов-легатов и во Францию, и в Венгрию, и в Германию, и в Англию, и, конечно же, в родную Испанию. Но все его усилия мобилизовать солдат и собрать деньги так и остались втуне. Отчаявшись подтолкнуть своих духовных сыновей словом, папа Каликст попытался подать им пример делом: он начал сооружать галерный флот на Тибре, делал это на собственные средства, а пока суд да дело, послал сражаться с турками две уже готовые галеры, под командой Педро Урреа, легата Церкви в Испании.

Что сказать? Педро Урреа действительно пошел в море со своими судами – но, присоединившись к арагонскому флоту короля Альфонсо, вместо турок он напал на генуэзцев. Каликст III сместил его с поста, а уж заодно еще и проклял – но дела было уже не поправить, экспедиция провалилась.

Вторая попытка организовать наступление оказалась более успешной.

Двадцать пять папских галер спустились по Тибру к Остии, вышли в море и недалеко от Неаполя соединились с пятнадцатью галерами короля Альфонсо – в этот раз все вроде бы пошло хорошо, и соединенный флот отправился в Архипелаг, воевать с турками. Ожидалось подкрепление со стороны короля Франции – он снарядил тридцать галер. Однако, подумав, он напал не на турок, а на владения короля Альфонсо. Что и говорить – папе было от чего прийти в отчаяние. Единственные хорошие новости пришли с Балкан.

Янушу Хунияди все-таки удалось снять турецкую осаду с Белграда.

Каликст III был вне себя от радости и в честь этой победы установил праздник Преображения Господня. Праздник, собственно, уже как бы был и в русской народной традиции назывался также Яблочный Спас – но папа Каликст повелел праздновать его 6 августа, и это его решение оказалось настолько прочным, что пережило даже раскол Реформации, и по сей день не только католики, но и протестантские церкви так его 6 августа и празднуют.

Вообще-то, что относилось к сфере духовной, хорошо ему удавалось. Он снял, например, обвинительный приговор с Жанны д'Арк[10 - Каликст III приказал пересмотреть процесс, в результате которого в 1431 году была приговорена к сожжению на костре Жанна д'Арк. Рескрипт о ее реабилитации был подписан 7 июля 1456 года.] и даже сумел создать нового святого – им стал священник Винцент Феррье, предсказавший когда-то величие совсем молодому тогда Алонсо де Борха...

Но вот с делами земными папе Каликсту справляться оказалось куда труднее. Папа римский помимо своей роли главы духовной власти всего христианского мира был еще и светским государем, правящим Папской областью, – и вот в качестве такого государя Каликст III насмерть поссорился с королем Альфонсо, тем самым, которому он много лет преданно служил в качестве советника. Это звучит очень странно. Во-первых, своим возвышением папа Каликст был обязан именно тому, что был тесно связан с королем Арагона, и все это знали, во-вторых, считалось, что «папа Каликст наполнил Рим каталонцами».

Под «каталонцами» тут понимались вообще все арагонцы – и каталонцы, и валенсийцы, и арагонские дворяне из других владений короля Альфонсо. Важно было то, что все они были выходцами из Испании, говорили на каталонском наречии и пользовались доверием папских племянников, управлявших римской администрацией. Скажем, новый префект Рима, Педро Луис Борджиа, уроженцам Рима не доверял и полагался только на соотечественников.

Но арагонцы на службе короля Арагона и арагонцы на службе папы римского имели совершенно разные точки зрения на очень многие вопросы – например, на то, кому принадлежит право на назначение епископов в той же Валенсии.

Спор вокруг «валенсийских епископов» вышел таким резким, что папа Каликст пригрозил своему бывшему повелителю, королю Альфонсо Арагонскому, полным отлучением от Церкви. Педро Луис был целиком на стороне своего дяди и полагал, что «права Церкви должны быть защищены», но другой племянник папы, Родриго Борджиа, с ним не согласился. Он был человек гибкий, совершенно не мелочный и полагал, что дипломатическое решение спора куда предпочтительнее конфронтации. Он убедил Святого Отца попробовать уладить дело с Арагоном компромиссом – и в итоге папа Каликст принял в Риме любовницу короля Альфонсо, прекрасную Лукрецию д'Аланьо, со всеми почестями, подобающими столь знатной даме.

Трудно сказать, как далеко удалось бы обеим сторонам конфликта пойти по пути переговоров. Возникли дополнительные обстоятельства – нежелание короля Арагона мириться со своим бывшим советником Алонсо де Борха, «сильно возомнившим о себе с тех пор, как он стал папой», привело к тому, что удобный момент для примирения – пребывание доньи Лукреции в Риме – оказался упущен. А потом король опасно заболел и умер 27 июня 1458 года. Тут уж влияние Педро Луиса Борджиа на папу одержало совершенную победу.

Каликст III издал буллу, лишаящую Ферранте, незаконного сына Альфонсо V, короны Неаполя.

V

Вообще говоря, эта булла вызвала немалую сумятицу. В свое время именно Алонсо де Борха, мудрый советник короля Альфонсо, добился того, что «арагонское наследство» разделялось между Хуаном, братом короля, и Ферранте, его незаконным сыном, и корона Неаполя доставалась Ферранте. Теперь тот же Алонсо де Борха, уже в качестве папы Каликста, отменял это решение, но при этом он вовсе не отдавал королевство Неаполя Арагону. Вместо этого трон Неаполя объявлялся вакантным, неаполитанцам вообще запрещалось присягать кому бы то ни было, а дело о престолонаследии «передавалось на рассмотрение». А поскольку Неаполь теоретически считался владением, подчиненным Святому Престолу, и за трон там спорили испанская династия Трастамара[11 - Трастамара – династия, правившая изначально в Кастилии, а позже распространившая свою власть на Арагон, Сицилию, Неаполь и Наварру.]

с французской династией Анжу[12 - Анжу – ветвь дома Капетингов, основана Карлом I Анжуйским (1220–1285), сыном Людовика VIII. В 1250 году Карл I Анжуйский получил в приданое Прованс, в 1266–1268 годах завоевал Неаполь и Сицилию. В 1282 году Сицилия свергла его власть, и Карл I Анжуйский остался королем Неаполя.], то немедленно поползли слухи о том, что папа Каликст и не думает отдавать королевство анжуйской династии, а собирается его, так сказать, экспроприировать. А в качестве нового неаполитанского короля рассматривает своего племянника Педро Луиса Борджиа.

Кто знает, может быть, так бы оно и вышло. Во всяком случае, дон Педро получил папский приказ готовиться к военной кампании и понести знамя Церкви на юг, в Неаполь, чтобы свергнуть иго «этого ублюдка, Ферранте, сына неизвестного отца». Святой Отец выражался весьма решительно и говорил, что с тех пор, как покойный король Альфонсо утвердился на троне Неаполя, Святая Церковь не знала ни минуты покоя, что Альфонсо посягал на владения папы в Анконе, портовом городе на Адриатике, что он поддерживал всякую смуту, какая только ни возникала в пределах Папской области, и что он, папа Каликст, намерен положить этому конец раз и навсегда и «избавить своих наследников от этой угрозы». Кто тут понимался под «наследниками», папа Каликст не пояснял.

Это могли быть, например, следующие папы – как-никак, Святой Престол заполнялся на выборной основе, а не на династической. Но «наследниками» вполне могли быть и младшие члены дома Борджиа. Каликст III совершенно очевидно считал, что достиг княжеского достоинства, и его племянники, вполне очевидно, должны были этот статус поддерживать – и почему бы им не делать этого в качестве королей, на троне неаполитанского королевства?

Правда, папа все же добавлял, что все дело в непослушании, которое проявил этот неблагодарный пащенок, Ферранте, именующий себя новым королем Неаполя, и что стоит только ему явиться в Рим и выразить свою покорность Святому Престолу, как папа Каликст в этом случае «отнесся бы к нему, как к собственному племяннику».

Ну, Ферранте в такую щедрость как-то не поверил, посланника папы арестовал и начал срочно собирать войска повсюду, где он мог надеяться их найти, – своим баронам он не очень-то и доверял. До столкновения, однако, дело не дошло. Люди, избравшие в 1455 году папой римским Алонсо де Борха в надежде на его скорую смерть, конечно, просчитались – он оказался крепким орешком.

Но восьмидесятилетнему старику от природы все-таки не уйти. Его понтификат оказался самым коротким в XV столетии.

Папа Каликст III умер 6 августа 1458 года – и в Риме началась полная сумятица. Капитолий оказался захвачен Советом кардиналов, которым помог вооруженный отряд в две сотни копий под командой архиепископа Рагузы. Первым делом кардиналы сместили Педро Луиса Борджиа с его поста префекта Рима.

А потом они взялись за ненавистных каталонцев.

Часть вторая

Родриго

Кардинал Родриго Борджиа, племянник папы Каликста

I

Собственно, Совету кардиналов не нужно было особенно и хлопотать – все сделалось само собой. Рим в середине XV века был городом без всякого единого управления, с весьма слабой папской полицией, которая в период смены пап и вовсе устранилась от всякого вмешательства. Люди, назначенные в предыдущее правление блюсти порядок в городе, не испытывали никакого желания нарваться на столкновение со сторонниками кого-нибудь из могущественных римских баронов. Например, со сторонниками Орсини.

А Орсини сейчас, после смерти папы Каликста, немедленно объявились в Риме – и все каталонцы сразу оказались в беде.

Педро Луис Борджиа, еще вчера человек могущественный и опасный, вдруг оказался в изоляции и был вынужден сдать все свои сокровища: и пост префекта, и замок Святого Ангела, и папскую казну. В обмен ему разрешили покинуть Рим, и он действительно уехал – переодевшись, изменив внешность и под охраной кардинала Пьетро Барбо и его вооруженного отряда. Дело было представлено так, что город покидал кардинал Барбо – а Педро Луис был скрыт – как неприметный желтый лист в опавшей роще, он просто затерялся среди многочисленной свиты своего друга. С ним вместе уехал из Рима и кардинал Родриго Борджиа. Ему тоже пришлось переодеться – уж очень он был известен и узнаваем.

Отряд двигался по направлению к Остии – туда должна была прибыть галера, вызванная по настоянию Педро Луиса. Куда он собирался направиться, неизвестно, потому что галера так и не пришла, он напрасно прождал ее в Остии. И тогда дон Педро Луис решил добраться до другого порта – Чивитавеккии и так и сделал: нанял в Остии рыбацкую лодку, отплыл и даже сумел благополучно добраться до места. По всей вероятности, он собирался в Барселону и оттуда – в Валенсию, где гнезился клан Борха. Там ему в принципе могли бы как-то помочь родственники. Но испытать силу их родственных чувств он так и не сумел, потому что совершенно неожиданно умер.

Отчего умер молодой и здоровый Педро Луис де Борха, так и осталось неизвестным. Никто этого не узнал, да и скорее всего никто особо и не доискивался.

Скорее всего его отравили.

Что касается Родриго Борджиа, то он, подумав, отстал от отряда кардинала Барбо и вернулся в Рим. Его дворец оказался уже разграбленным – все, что не смогли унести, разбили или разнесли в клочья. Остались только стены. Ехать из Рима куда-то еще нечего было и думать – все замки Папской области, где Родриго Борджиа мог надеяться найти убежище, уже поменяли комендантов. Но дон Родриго де Борха, известный в Риме как кардинал Родриго Борджиа, был храбрым человеком, и он сделал вещь, которой от него никак не ожидали – он отправился на конклав кардиналов, занятых избранием нового папы, и как ни в чем не бывало присоединился к Совету.

В конце концов он был князем Церкви.

Решался важнейший вопрос о выборе нового Викария Христа, Понтифика Рима, главы Вселенской Церкви, и кардинал Борджиа был одним из тех, кто имел право на голос в Совете. Вот кардинал и пожелал принять участие в голосовании Священного Совета. Его решение сунуть голову в пасть льва оказалось совершенно неожиданным, помешать ему не успели.

Если что и объединяло итальянских кардиналов на заседании Совета, так это их твердое решение не дать избрать папу-иностранца. В этот раз кардиналы-греки даже и не рассматривались как кандидаты. Как, впрочем, и единственный кардинал-португалец. Поэтому итальянцы подали голоса против француза, кардинала д'Эстотвиля, и он набрал всего 6 голосов, в то время как его соперник, кардинал Съены Пикколомини, собрал ровно половину голосов конклава – за него проголосовали 9 человек из 18.

В глубокой тишине, воцарившейся в галерее Святого Николая, где шло голосование, вдруг раздался ясный и спокойный голос кардинала Родриго Борджиа: «Я отдаю предпочтение кардиналу Съены». Это был 10-й голос «за», теперь имелось большинство, и после короткой паузы кардиналы одним за другим стали голосовать за Пикколомини. Так вот и оказался избран новый папа, на Святом Престоле нарекшийся Пием Вторым, – им стал Энеа Сильвио Пикколомини (итал. Enea Silvio Piccolomini), кардинал из Съены.

Услуги, оказанной ему Родриго Борджиа, он не забыл.

II

Где-то лет за сто до восшествия на Святой Престол папы Пия II в Италии возникло некое интеллектуальное движение, которое позднее нарекли гуманизмом. Оно противопоставляло себя принятой тогда схоластике, которая считалась «изучением Божественного» (*studia divina*). Новое же учение предполагало «ревностное изучение всего, что составляет целостность человеческого духа», а поскольку *humanitas* как раз к человеку и относилось, то и само учение стали называть гуманизмом. Главными центрами гуманизма были богатые города Северной Италии, особенно Флоренция – там цвела экономика, построенная на искусной и интенсивной обработке материалов, предоставляемых природой или земледелием. По-видимому, не случайно там же

возникла мысль о том, что и природу человека можно улучшить культурой и образованием, а образцом для такого улучшения гуманисты посчитали античность.

Они необыкновенно ценили старые латинские и греческие тексты, старинные скульптуры, сохранившиеся еще с римских времен, и вообще все, что только удавалось найти в раскопках. И когда папа Каликст III велел пустить в переплавку золотые покровы, найденные в обнаруженной в Риме старой гробнице, они окрестили его варваром и невеждой. Ну, что сказать? Каликст варваром не был – просто был равнодушен к увлечению античностью и считал, что все возможные средства, в том числе и отрытые в земле, должны идти на Крестовый поход.

Он сократил расходы на папский двор, отправил на перечеканку в монеты серебряные покровы книг из папской библиотеки и даже пустил на переплав серебряный сервиз, украшавший его стол, – он заявил своему мажордому, что с него достаточно и солонок, сделанных из керамики. Папа Каликст, собственно, сказал это еще и поглубже – «сделанных из глины», что в принципе действительно одно и то же, но звучало уж и вовсе не изящно.

И в награду за свое благочестивое рвение и скромность в обиходе он заслужил в Риме репутацию старого сквалыги, который не ценит и не понимает радостей жизни. Его преемник, папа Пий II, был его полной противоположностью. Вот если кто умел ценить радости жизни, так это бывший кардинал Сиенский, Энеа Пикколомини. Он, по-видимому, был и остался единственным папой римским во всей долгой истории Церкви, про которого точно известно, что он писал эротические стихи. Ну, положим не тогда, когда он состоял уже в духовном сане, а в студенческие годы, в Сиенском университете.

Священником он становиться вовсе не собирался – но так уж сложилась его карьера, что он был секретарем трех епископов и трех кардиналов и показал себя при этом очень умным человеком и хорошим дипломатом. Настолько хорошим, что его пригласил к себе в качестве своего секретаря император Фридрих III. Он помог императору найти общий язык с папой римским Николаем V – и в награду получил сан епископа Триеста. С этого, собственно, и началась его духовная карьера – сан он принял только в 40 лет.

Так вот, став папой, он не слишком изменился – по-прежнему интересовался гуманизмом, писал стихи на классической латыни, даже написал свою

автобиографию, полностью не изданную и до сих пор, и вообще ценил людей щедрых и ярких, таких, каким он был и сам. И в этом смысле кардинал Родриго Борджиа пришелся новому папе очень по душе.

Возможно, он видел в нем самого себя в молодости?

III

Конечно, сейчас, через пять с половиной веков, папу Пия уже не спросишь о причинах его чрезвычайно дружеского отношения к Родриго Борджиа. Но можно отметить, что дружеское отношение имело место и кардиналу Борджиа сходило с рук буквально что угодно.

В качестве примера можно привести так называемый инцидент в Сьене.

Папа Пий II задумал сделать из Корсиньяно – деревни, в которой он родился, центр новой епископской епархии. Деревня была переименована по папскому имени Пий – и стала Пиенцей, а в ее центре началось строительство двух, как сказали бы сейчас, «градообразующих» сооружений – собора и дворца «Пикколомини», по родовому имени семейства, подарившего миру нового Святого Отца.

Задачу строительства папа поручил Родриго Борджиа, что было знаком и милости, и доверия к организаторским способностям молодого кардинала. А поскольку новое строительство требовало неуклонного внимания ко всем деталям, Родриго Борджиа уехал из Рима и устроил свою резиденцию в Сьене, ближайшем к Пиенце большом городе.

Он оказался там на положении как бы папского наместника и именно в этом качестве встретил там проезжающего мимо знатного гостя, кардинала д'Эстотвиля.

А кардинал д'Эстотвиль славился тем, что был очень богат. На конклаве, пытаясь собрать как можно больше голосов в свою пользу, он говорил, что «не может же нищий папа обогатить Церковь», и добавлял, что «не может хромой

папа вести Церковь за собой». И то и другое было намеком на съенского кардинала Пикколомини, который был по кардинальским стандартам беден и к тому же хромал, страдая подагрой.

Ну, папские выборы д'Эстотвиль проиграл, но вкуса к жизни не утратил, а главным удовольствием своим он полагал любовь. Или даже более точно – кардинал любил не слишком строгих женщин.

И Родриго Борджиа устроил своему гостю прием, как нельзя более отвечающий его вкусам. Дело было обставлено как прием по случаю крещения. Вот только праздник был устроен в садах неподалеку от Съены, и допускались туда только дамы. Ну и конечно, в дополнение к ним еще и два кардинала – Родриго Борджиа и его гость – и люди их свиты.

Празднество длилось с утра и до шести часов вечера, вино лилось рекой, играла музыка, вокруг было сколько угодно беседок и гротов для уединения влюбленных пар – и иногда и групп числом поболее, и все происходящее очень и очень напоминало оргию, где в роли куртизанок выступали жены и дочери первых граждан города Съена. Понятное дело, о таком интересном событии донесли папе Пию, и тот написал кардиналу Родриго весьма укоризненное письмо, в котором говорилось, в частности, следующее:

«Все вы оставались там за закрытыми дверями, пока танцевали без отдыха, и не было преград любовным соблазнам, и вы вели себя как один из толпы молодых любовников...»

В письме еще были слова глубокой укоризны по поводу поведения кардинала д'Эстотвиля, которому «его лета должны были бы внушить менее легкомысленное поведение», но главным виновником соблазнительного приключения был, конечно же, человек, который его устроил. Ну, тут надо отдать должное дипломатическим способностям Родриго Борджиа.

Он сумел отговориться.

Что уж он там наговорил Святому Отцу, так и осталось неизвестным, но следующее письмо от папы Пия к его подопечному, кардиналу Родриго Борджиа, было куда более мягким и укоряло его только за неосмотрительность, столь свойственную неопытным молодым людям, которая и дает возможность клеветникам неверно истолковывать их поступки.

Насчет неопытности – это он, конечно, хватил лишнего, потому что сам папа Пий говорил про Родриго, что он «молод годами, но зрел рассудком» – и это была истинная правда. Администратора лучше его не было во всей Курии, и он всегда демонстрировал свою преданность и послушание Святому Отцу. Когда тот призвал кардиналов внести свой вклад в фонд подготовки к Крестовому походу, Родриго Борджиа внес столь значительную сумму, что папа ставил его в пример всем прочим его коллегам по Священному Совету. Так что никаких «организационных выводов» из дела со «сьенским инцидентом» не последовало, и напрасно злые языки говорили, что «если бы дети, родившиеся в Сьене у дам, побывавших на приеме, родились в одежде, то все они поголовно носили бы рясы священников или мантии кардиналов», – все это ни к чему не привело, и дело было замято.

Самое главное – Родриго Борджиа сохранил контроль над папской канцелярией.

Давным-давно, еще в 1187 году папа Григорий VIII отменил пост канцлера Святой Церкви, ответственного за сертификацию документов, исходящих от Святого Престола. Он хотел подчеркнуть тем самым, что один только папа, как Викарий Христа, имеет право издавать такого рода сертификаты. Но время шло, административное бремя все увеличивалось и увеличивалось, и в конце концов все заботы о канцелярии легли на плечи так называемого вице-канцлера, секретаря Канцелярии, заменявшего Святого Отца в нудной работе с документами.

А поскольку сборы за сертификацию документов приносили папству значительный доход, достигавший 70 тысяч флоринов, то секретарю Канцелярии полагалось и отчисление от них в размере 8 тысяч. Что было, конечно, приятной суммой, но не шло в сравнение с 24 тысячами флоринов, которые Родриго Борджиа получал в качестве бенефиций от архиепископства Валенсии.

И, однако, именно за этот пост он держался с огромным упорством, невзирая ни на что.

Конечно, само по себе заведование документацией Церкви давало обладателю должности вице-канцлера очень значительный вес и влияние – в сущности, в административном смысле он был вторым человеком после самого папы, – но дело было не только в этом. Дело было не столько в престиже и не в значительном жалованье, которое приносил пост человека, следящего за правильным оформлением документов, сколько в огромных возможностях, таящихся в «не совсем правильном оформлении» тех же самых документов.

Чтобы не ограничиваться голословным заявлением на этот счет, хочется привести хороший, красноречивый случай использования таких «скрытых возможностей».

Например, дело с прошением графа д'Арманьяка.

V

В середине XV века вера была крепка – по крайней мере в местах, удаленных от Рима. Считалось, что «папа может все». И мысль эта настолько укоренилась в сознании и клира, и мирян, что при папе Каликсте III важный французский вельможа, граф д'Арманьяк, запросил папского позволения на сожительство с собственной сестрой. Согласитесь, это удивительно? Но еще более удивительно то, что разрешение это он от папы Каликста получил.

Папа, правда, об этом не знал.

Штука тут была в том, что запрос – за гигантскую сумму в 24 тысячи флоринов – был обработан в канцелярии, и при этом очень творческим образом. Сначала документ был слегка подправлен: про сестру, о которой писал простодушный проситель, было как бы забыто, а в прошении, заново составленном чиновником канцелярии, так называемым аббревиатором, было указано, что граф желал бы получить разрешение на сожительство с «родственницей четвертой степени родства». В таком виде прошение и было представлено на рассмотрение – и разрешение было дано. Дело было вполне рутинным, и никакого внимания на него не обратили.

А дальше, после получения нужной подписи, документ заверили – и тоже очень творчески. Бумагу подчистили, заменили «четвертую степень родства» на «первую степень», приложили печать, уже вполне подлинную, и все было слажено, к полному удовольствию просителя.

Тем бы дело и кончилось, но непосредственный исполнитель через какое-то время нашел, что получил он все-таки недостаточно. По всей вероятности, отчет о суммах, полученных от заказчика, был проведен через канцелярию столь же творчески, как и само прошение, потому что размер платы сам по себе вызвал бы изумление, ибо равнялся годовому доходу от архиепископства Валенсии, официально – главному доходу кардинала Родриго Борджиа, который в качестве вице-канцлера как раз канцелярией и заведовал. Исполнителю, вероятно, посчитали его долю как процент от заявленной суммы, а не от настоящей, он обиделся и пришел к заказчику за добавкой. И просил-то он не так уж и много – всего-то 4 тысячи золотых, – но граф д'Арманьяк возмутился.

Он-то считал, что ему за его деньги вручили самое что ни на есть подлинное папское позволение – жить с родной сестрой, – и он пошел жаловаться по инстанциям. Ничего хорошего из этого для него не вышло – и дело в итоге получило совершенно нежелательную огласку.

Папа Каликст III был в негодовании.

Но служебное расследование нашло, что глава священной Канцелярии кардинал Родриго Борджиа не виновен ни в чем, кроме разве что излишней доверчивости к своим подчиненным, что и вообще свойственно людям, чистым душой и с возвышенным умом, далеким от корыстных помыслов. И Родриго Борджиа, который как-никак доводился Святому Отцу родным племянником, остался на своем посту и продолжал оставаться на нем и при папе Пие II, и по-прежнему доверял своим «аббревиаторам»... Разве что следил все же, чтобы они не слишком зарывались, – и извлекал из своей позиции главного канцеляриста Церкви некоторые выгоды, не предусмотренные штатным расписанием, был по-прежнему щедр и широк в своих расходах и демонстрировал папе Пию истинно сыновнее повиновение и послушание.

Но в 1464 году конклав кардиналов собрался заново – папа Пий II внезапно умер.

Предстояло избрать его преемника.

Папа Павел II, венецианец

I

Папа Пий скончался в Анконе в середине августа 1464 года, до последней минуты надеясь, что Крестовый поход все-таки состоится. Он писал дожу Венеции, что они вдвоем с ним да еще с помощью собирающегося в поход с ними вместе герцога Бургундского «сокрушат воинство Амалека», ибо и «три старика с помощью Господа могут свершить то, что не смогли сделать могучие рати без Его содействия».

Еще в 1463-м, за год до смерти, он уверял своих кардиналов, что он сам, лично, несмотря на свои седые волосы и немощное тело, поведет христианские ополчения для защиты Дела Христова – и Господь защитит оставленный им Рим, осеняв его благодатью...

Но нет, ничего из предсказанного им не свершилось. Бургундцы прислали весть, что задерживаются по крайней мере на год, венецианский флот подошел к Анконе только тогда, когда папа Пий испускал уже свой последний вздох, а с его смертью дело и вовсе остановилось, и поход распался, так и не начавшись...

Кардиналы немедленно собрались на конклав, и новым Викарием Христа стал Пьетро Барбо, племянник папы Евгения IV. Он родился в Венеции в 1417-м и кардиналом стал в 23 года.

Почему выбор остановился именно на нем, сказать трудно – у каждого из членов Священного Совета могли быть на этот счет свои соображения – но какую-то роль, несомненно, сыграл тот факт, что он был венецианцем. Если и были хоть какие-то надежды на то, что турки получат отпор на Востоке, то стояли эти надежды только на том, что Светлейшая Республика Венеция, или просто Серениссима, Светлейшая, как ее называли в Италии, приложит все свои силы к «святому делу освобождения Константинополя» – чего Республика совершенно явно делать не хотела.

В общем, как бы то ни было, избран был именно Пьетро Барбо, нарекшийся Павлом II, и он оказался действительно истинным венецианцем.

По всей Италии – а не только во Флоренции, очень склонной к интеллектуальному снобизму, – считалось, что венецианцы люди малокультурные. И точно – новый папа плохо говорил на латыни.

Считалось универсально признанным, что венецианцы богаче даже флорентийцев, известных своим благосостоянием, – и точно, именно так и оказалось. Новый папа был очень богат, склонен к роскоши и к широкому строительству, обходившемуся еще дороже.

Было общеизвестно, что венецианцы – люди сугубо прагматические, не склонные ни к религиозному пылу, возносящему к Небесам, ни к идеям гуманизма, превозносящим идеалы платоновской философии и совершенствования Человека, а склонные только к извлечению прямой и непосредственной пользы. Именно так новый папа и мыслил себе свое предназначение. Он занялся упорядочиванием дел в финансах Папской области.

А уж заодно решил разогнать сиенцев, очень уж укрепившихся в папской Канцелярии во время правления родившегося под Сьеной папы Пия II.

II

Проблема с сиенцами состояла не только в том, что они были назначены на свои должности при предыдущем папе и уже в силу этого ограничивали возможности патронажа нового режима. Дело осложнялось тем, что папа Пий должности аббревиаторов умножил, стремился образовать из них некую коллегию, а с целью изыскать средства для этого сами должности продавал.

Это было интересным моментом, потому что вся идея с реформой Канцелярии состояла в том, что это должно было уменьшить коррупцию. Понятно, что результаты оказались противоположными, и понятно, что уволенные аббревиаторы вовсе не чувствовали себя довольными, получив обратно деньги, уплаченные за назначение на должность.

В итоге в Риме возник «заговор гуманистов» – по-видимому, не выдуманный, а настоящий. Большинство заговорщиков ускользнуло из Рима, но кое-кто был схвачен. Двоих даже судили – но до крайностей не дошло, и никто из них казнен не был[13 - Процесс, начатый против гуманистов Помпония Лета (1428–1497) и Платины (ум. в 1481), показал, что они не представляют опасности для папства. Павел II приказал освободить их, а его преемник, Сикст IV, назначил Платину префектом Ватиканской библиотеки.]

Финансы потребовали от нового режима куда большего внимания, чем клерки Канцелярии. Доходы папства состояли из внешних поступлений и того, что папам удавалось получить в качестве светских государей Папской области. На эту часть доходов долгое время не обращалось особого внимания – хотя бы в силу того, что выжать что-то из Викариев Церкви можно было только силой, а ее никогда не хватало. Попытка же натравить одно из семейств римских баронов на другое, доставляющее в данный момент наибольшие неприятности, неизменно кончалась тем, что победители усиливались за счет побежденных и сами начинали причинять ничуть не меньшие неприятности.

Так что с давних времен было выработано некое практическое правило – с Викариев требовали только формального признания того, что они вассалы Церкви и в знак этого готовы уплатить некую сумму, размеры которой всякий раз приходилось обговаривать отдельно.

Болонья, конечно, была совершенно в другой категории налогоплательщиков, но доходы с нее не шли ни в какое сравнение с тем, что поступало из целых королевств, таких как Франция, или из Испании, например. Но время шло, и ситуация менялась. Король Альфонсо, испортивший так много крови папе Каликсту, был вовсе не одинок. Шаг за шагом светские государи Европы оттесняли Церковь от непосредственного управления церковными владениями на их территориях. Стеснялось и право патронажа – папа теоретически мог самовластно назначать епископов на освободившиеся посты в их епархиях, но на практике должен был, по крайней мере, консультироваться со светскими государями тех мест, где находились епископства. В итоге внешние доходы падали. А вот внутренние неожиданно возросли после того, как Джованни ди Кастро, сын юриста из Падуи, нашел в Папской области рудники квасцов. Эти минералы ценились очень высоко, потому что были необходимым компонентом в процессе обработки и окраски шерсти, а на производстве сукна стояло богатство Флоренции. Случилось это при папе Пие II – и радость Святого Отца по этому поводу было трудно даже описать. Квасцы обычно покупались у турок, и за

хорошую цену, – а тут они вдруг оказались в большом количестве прямо под рукой, в Толфе, у Чивитавеккьи. Откуп на добычу был передан флорентийскому банкирскому дому Медичи – и папские сундуки вдруг значительно потяжелели. Доля «светских доходов» папства выросла с одной седьмой части бюджета до почти половины всего прихода[14 - Этот вопрос в гораздо больших подробностях рассмотрен в книге: *The Borgias: The Rise and Fall of the Most Infamous Family in History* by Michael Edward Mallett, 2005.].

Соответственно, надо было подумать, как всем этим распорядиться.

III

В этом смысле папа Павел II тоже оказался истинным венецианцем. Светлейшая Республика Венеция на словах стояла за Крестовый поход, давала на этот счет папам римским всевозможные обещания и иногда даже действовала в этом направлении. Но с турками отношения строились, исходя из куда более практических соображений, чем вопросы веры. Торговля с Турцией была делом важнейшим и выгоднейшим, и Республика продолжала поддерживать ее даже после падения Константинополя. Торговлю не останавливали еще и потому, что ее не хотели останавливать и турки – они охотно позволяли венецианским купцам селиться во владениях султана, брали с них невысокие пошлины, не выше 2 %, и давали им многие привилегии – например, право судиться собственным судом.

С другой стороны, обе стороны то и дело сталкивались друг с другом в Архипелаге, турецкие морские силы становились все более и более дерзкими в своих нападениях, и в 1464 году, как раз в то время, когда папа Пий собирал свой Крестовый поход, турецкие галеры вошли в Адриатическое море и осадили с моря Рагузу.

Это, безусловно, вызвало бы резкий ответ Венеции, если б она не была занята еще и другими военными заботами. А состояли эти заботы в том, что уже давно Республика перестала полагаться только на торговлю и на свои колонии, торговые базы и крепости в Средиземноморье, а занялась еще и построением себе государства на «твердой земле» – «*terra firma*». И настолько в этом преуспела, что заняла почетное место в списке «пяти великих итальянских

держав» – куда, кроме нее, входили еще Милан, Флоренция, Неаполь и Папская область.

И теперь в качестве главной военной угрозы Республике рассматривался вовсе не турецкий султан, а Франческо Сфорца, отважный кондотьер, захвативший власть в Милане. Он воевал с 1419 года еще в наемном войске под командой своего отца, был прекрасным тактиком, а как командир просто не имел себе соперников. Солдаты его обожали – он не чурался ни риска, ни трудов, мог гнуть руками подковы и, самое главное – неизменно побеждал, давая своим людям возможность пограбить. Во главе наемников миланского герцога Филиппо Мария Висконти он повоевал и против Светлейшей Республики, а потом женился на его дочери. С 1450 года он правил в Милане как герцог, его владения граничили с владениями Республики – и в Венеции понимали, что от такого человека можно ожидать чего угодно. Так что укреплению обороны terra firma был отдан приоритет – турецкие дела могли подождать.

Но Франческо Сфорца был соседом и Папской области, и его беспокойный и предприимчивый нрав был хорошо известен и в Риме. А с юга папским соседом был король Неаполя Ферранте, о котором тоже мало что можно было сказать хорошего. В общем, папа Павел решил, что Крестовый поход может подождать, озаботился в первую очередь укреплением границ Папской области, ну а в качестве более приятного дела занялся еще и строительством.

Павел II, как истинный венецианец, любил роскошь.

IV

Мы мало что знаем о деятельности кардинала Родриго Борджиа в период понтификата папы Павла. Во всяком случае, у них были прекрасные отношения – они дружили с давних пор, и в свое время именно Пьетро Барбо, будущий папа Павел II, помог братьям Борджиа выбраться из охваченного беспорядками Рима. В отношении разгона аббревиаторов Канцелярии у Родриго Борджиа тоже никаких возражений не нашлось – старые порядки, заведенные до «борьбы с коррупцией», устраивали его гораздо больше. Как раз в это время у него родились дети, которых он признал. Своего сына он назвал Педро Луисом, в честь своего покойного брата. По разным сведениям, мальчик родился на свет

то ли в 1467-м, то ли в 1468 году. Есть даже сведения, что родился он в 1462-м, но тогда правил папа Пий, и Родриго Борджиа не стал тогда провоцировать «ложные слухи о якобы имеющих у него детях».

При Павле II таких препятствий не было – этот папа был на редкость равнодушен к общественному мнению. Он, скажем, носил усыпанную сапфирами тиару, оцененную в 200 тысяч флоринов, и по городу передвигался в паланкине, который стоил столько же, сколько целый замок[15 - The Borgias, by Ivan Cloulas, page 43.].

При этом он старался ограничить Коллегию кардиналов в ее полномочиях, а если кардиналы осуждали его за это – или, например, не за это, а за его чрезмерную роскошь, – то Святого Отца это совершенно не волновало. Он даже жить предпочитал в своем дворце, а не в Ватикане, который он находил недостаточно удобным. Папа Павел завел у себя типографию – по тем временам довольно экзотическую техническую новинку. Собирал старинные монеты, коллекционировал драгоценные камни. В 1466-м устроил потрясающе роскошный прием для албанского героя Скандербега и для императора Фридриха III – оба они приехали в Рим, и их, отважных бойцов с турками, встречали восторженные толпы народа. Дипломатические усилия в борьбе с султаном тоже принесли определенные плоды – удалось установить контакты с мятежным Узун Хуссейном, вождем племен на восточной границе Турции, и летом 1471 года уже даже договор с ним был подготовлен к подписанию.

Однако вмешалась судьба. Павла II внезапно разбил апоплексический удар, и 26 июля 1471 года он умер и был похоронен[16 - Погребение совершили в старой базилике Св. Петра (ныне – гроты Ватикана).]. Что сказать? Папа Павел умер так, как и жил.

Его гробницу, необычно роскошную по тем временам, создавали два года.

Франческо делла Ровере, генерал ордена францисканцев

В XV веке люди попадали в число кардиналов, «князей Церкви», довольно разнообразными способами, но в принципе имелось несколько стандартных карьерных дорожек. Конечно, лучше и легче всего было попросту родиться «племянником папы» – скажем, так, как и «сделал» Родриго Борджиа. Но, понятное дело, так везло далеко не всем. Другим хорошим способом стать кардиналом было оказание Святому Престолу каких-то очень значительных услуг – причем в делах именно земных, а не небесных. Скажем, выдающихся дипломатов на службе каких-нибудь могущественных государей папы римские могли наградить «красной шапкой» – как это случилось с Алонсо де Борха, канцлером Альфонсо V, короля Арагонского. Звание кардинала можно было получить даже в качестве отступного – традиционно, папы римские откупались от своих могучих баронов кардинальскими шапками, и практически в любом конклаве имелся кардинал, представлявший семейство Орсини, и другой кардинал, представлявший семейство Колонна.

Человек, вступивший на Святой Престол 9 августа 1471 года, не относился ни к одной из вышеперечисленных категорий. Франческо делла Ровере был монахом – и не просто монахом, а генералом нищенствующего ордена Святого Франциска, монахи которого были известны как «францисканцы», или «минориты» – «младшие братья».

Устав предписывал им полную бедность и отказ от всяких благ земных. Они были обязаны носить деревянные сандалии на босу ногу, носить грубые одеяния, подпоясанные веревкой, беспрекословно повиноваться папам римским и служить Господу посредством «службы обделенным» – нищим, больным и страдающим...

Орден францисканцев с течением времени приобрел значительный престиж, его услугами охотно пользовались многие европейские государи, ценившие скромность монахов-францисканцев и их глубокую ученость.

Как правило, деятельность последователей Святого Франциска так и оставалась сугубо в рамках Церкви, но в личности человека, ставшего в 1464 году генералом ордена, скромности было маловато. Франческо делла Ровере родился 21 июля 1414 года в Савоне, близ Генуи. Согласно некоторым сведениям – в обедневшей дворянской семье. Согласно другим – в семье рыбака, где не всегда хватало на всех даже самой простой еды.

Как бы то ни было, Франческо вступил в орден францисканцев, обнаружил большие способности и был направлен на учебу в Падую, а потом – в Болонью. Он изучал юриспруденцию и опять-таки показал такие успехи, что был привлечен к весьма важным занятиям в области администрации. В 50 лет он возглавил орден, а еще через три года получил кардинальскую шапку.

Каким образом он добился своего избрания папой римским, сказать трудно. Утверждали, что подкупом. Это вполне возможно, потому что взятки и покупка голосов кардиналов были делом обычным. Но скорее всего обеспечить избрание просто деньгами было трудно, нужны были еще и политические союзы. Таким союзом для Франческо делла Ровере послужила дружба с кланом Орсини. На этот счет можно даже привести вполне документальное свидетельство – сразу после избрания новый папа, избравший себе имя Сикста IV, назначил кардинала Орсини на пост *camerlingo* – как назывался глава папской администрации, ведавшей его земными делами.

Но в церемонии коронации папы Сикста был еще один важный момент – тиару на него возложил глава Коллегии так называемых кардиналов-дьяконов.

Это был Родриго Борджиа.

II

К тому времени он имел уже установившуюся репутацию. Кардинал Родриго Борджиа, помимо несомненного ума и политической ловкости, отличался еще и огромным обаянием. Он как-то умудрялся дружить со всеми сразу и даже с семейством Орсини, враждебным по отношению к «проклятым иностранцам», установил вполне нормальные отношения. Новый папа, друг Орсини, относился к кардиналу Борджиа настолько хорошо, что доверил ему миссию легата в Испании – он должен был появиться там при королевских дворах и Кастилии, и Арагона и убедить их прекратить распри и направить всю свою энергию на новый Крестовый поход, который предполагалось вскоре организовать под стягом папы Сикста IV.

Поездка действительно состоялась и прошла очень успешно – Родриго Борджиа сумел примирить короля Кастилии Энрике с его младшей сестрой Изабеллой

Кастильской. К тому же ему удалось сделать кое-что и для своих личных целей – он присмотрел в Валенсии, недалеко от центра своего архиепископства в Хативе, некое владение. Называлось оно Гандия и считалось столицей маленького герцогства, созданного еще в 1309 году для королевского племянника. Купить его он не смог, но, что называется, «положил глаз» на это владение. Однако дело с возможным приобретением Гандии ему пришлось отложить – надо было возвращаться Рим.

Святой Отец принял своего легата со всем возможным почетом и осыпал его наградами и почестями – кардинал Борджиа выполнил свою миссию как нельзя лучше и успешными дипломатическими действиями увеличил престиж папства. Он даже сумел раздобыть в Испании кое-какие деньги для снаряжения папских галер.

Морская экспедиция, направленная против турок, двинулась было в путь – но, как всегда, никаких результатов не добились. Она стоила значительных денег – всего за один год папа Сикст потратил на нее 144 тысячи флоринов, добрую половину всех доходов Святого Престола, так что нулевой результат был для него, конечно, большим разочарованием. Но к 1474 году его интересы сместились, и вместо бранных дел, направленных на «освобождение христиан от магометанского ига», он занялся делами сугубо политическими и скорее внутренними.

Как генерал нищенствующего ордена Святого Франциска, он давал в свое время обет скромности, полного отказа от обладания сокровищами и стремления к почестям.

Но у него было много родственников – и они таких обетов не давали.

III

У Святого Отца была сестра, вышедшая замуж за некоего Риарио, и один из ее сыновей, Пьетро Риарио, был моментально сделан кардиналом на пару со своим кузеном Джулиано делла Ровере. Вообще-то папа Сикст имел много племянников, и за время своего понтификата кардиналами стали шестеро – но он не забыл и других, тех, кто остался в мирянах.

Один из таких племянников, Леонардо делла Ровере, был сделан префектом Рима, а вдобавок к этому Сикст IV женил его на дочери короля Неаполя, Ферранте. Дочь была незаконной, но в конце концов и сам король Ферранте был незаконным отпрыском славной династии Трастамара, так что дело сладилось, и с Неаполем был установлен своего рода союз, скрепленный династическим браком. А Джованни делла Ровере женился на девушке из семейства Монтефельтро, державшей в своих руках маленькое, но стратегически важное герцогство Урбино.

Наконец, Джироламо Риарио, брат свежеепеченного кардинала Пьетро Риарио, женился на совсем юной Катерине Сфорца, побочной дочери Галеаццо Мария Сфорца, герцога миланского. Галеаццо наследовал своему отцу, знаменитому Франческо Сфорца. Он был исключительно эрудированным человеком, очень любил читать, завел у себя библиотеку на зависть знатокам вроде Лоренцо Медичи, любил музыку и пение, устроил в Милане у себя при дворе замечательный хор и целый оркестр, хорошо платил певцам, так что у него собрались певцы с лучшими в Европе голосами. К нему приезжали знаменитые своим искусством исполнители – и не только из Италии, но даже и из далекой Фландрии.

Многие считали, что у Галеаццо был самый роскошный двор во всей Европе. Утверждалось, правда, что герцог Галеаццо Сфорца жесток и склонен к садизму. Например, любит развлекаться тем, что закапывает людей живыми в землю, и осуждалась при этом не столько сама казнь, сколько ее способ. Ну, и то, что это делается для развлечения...

Но у Сикста IV не было никакой охоты вникать в такого рода слухи – ему надо было обеспечить не только южные границы Папской области там, где она граничила с Неаполем, но и северные. А к северным границам примыкали владения Милана, поэтому династический союз с семейством Сфорца был весьма желателен. Так что брак состоялся, и тут возник один дополнительный вопрос. В приданое за Катериной Сфорца ее муж хотел бы получить владение герцогов миланских в Имоле и в Форли. И герцог не возражал, но желал получить как компенсацию за владение очень существенную сумму – 40 тысяч флоринов.

Таких денег наготове не было даже у папы римского, и он обратился с просьбой ссудить ему эту сумму к своим флорентийским банкирам, дому Медичи. А дом Медичи с 1469 года управлялся молодым Лоренцо, внуком и наследником

легендарного банкира Козимо Медичи.

Вообще-то, он управлял не только домом Медичи, но и всей Флоренцией – но делалось это на сугубо неофициальной основе, потому что, как говаривал мудрый Козимо Медичи: «Зависть – это не та трава, которую следует поливать...»

Так что и сам Козимо, и его наследовавший ему сын Пьетро, и наследовавший Пьетро его сын Лоренцо – все они, хоть и в разной мере, держались золотого правила скромности и официально считались всего лишь «простыми гражданами Республики Флоренция».

Маска «простого гражданина» не раз помогала Козимо Медичи в тех случаях, когда ему надо было вежливо отказать важному просителю. Его внук Лоренцо использовал тот же метод: в самых вежливых выражениях он сообщил Святому Отцу, что запрашиваемая сумма слишком велика для его банка, а использовать государственные деньги Республики Флоренция он не может, ибо у него нет на это полномочий: он всего лишь «простой гражданин».

Ну, деньги папа Сикст нашел и даже в той же Флоренции – ему предоставил их банк Пацци. Так что сделка состоялась, и Джироламо Риарио со своей юной супругой Катериной Сфорца утвердился в графстве Форли и завладел городом и замком Имола.

Однако эта история с «неполученным займом» имела потом значительные последствия.

IV

Вообще-то есть смысл посмотреть на всю вышеописанную историю в контексте «времени и места». Италия к последней трети XV века сильно опередила остальную Европу, и одним из наиболее важных отличий была ее построенная на деньгах экономика. Во всех прочих странах основой богатства была земля. Повсюду выстраивалась одна и та же цепочка: некий синьор-земледелец жаловал своему вассалу участок земли в пользование, а в обмен получал клятву

верности и обязательство вносить положенную плату за жалованную ему землю. Часто этот платеж состоял в несении военной службы – сеньор разворачивал знамя, а его верные вассалы спешили к нему на помощь во всеоружии и вместе со своими вассалами – так все и шло.

Соответственно была и лесенка феодальной иерархии: король жаловал землю герцогам, герцоги – графам, графы – баронам, бароны – простым рыцарям, ну а уж те садились на коней и спешили на битву, вооруженные и снаряженные за счет тех деревенок, которые были им пожалованы.

Схема эта в теории была хороша. А на практике часто давала сбои, ибо синьору добиться повиновения от крупного вассала было далеко не так легко, как казалось. Но в принципе система работала. Она работала повсюду, кроме Северной Италии – там еще в XIII веке начались совершенно новые явления – там богатые торговые города сами становились синьорами. Флоренция как раз и была наиболее показательным примером – ее богатство и могущество стояло не на землевладении, а на торговле, и аристократия там складывалась не из рыцарей, а из банкиров. Род Медичи вырос на денежных операциях – но ко времени Лоренцо Медичи, прозванного Великолепным, богатство семьи было уже в очень значительной степени конвертировано во власть.

Будь Лоренцо Медичи только банкиром, он без всяких проблем ссудил бы папе Сиксту IV необходимую ему сумму и неплохо бы заработал на этой сделке. Но как правитель Флоренции он смотрел очень косо на попытки Джироламо Риарио организовать себе военный оплот в Имоле, вблизи границ флорентийских владений и на важной для торговли Республики дороге от Римини до Болоньи. Ему не удалось предотвратить сделку – но попыткам папских племянников увеличить свое могущество он начал препятствовать всем, чем только мог. Иногда даже силой, как произошло под Читта ди Каstellо. Трения между Святым Престолом и Республикой Флоренция множились и множились. Папа Сикст отнял у Медичи откуп на разработку квасцов в Папской области и передал ее своим генуэзским родственникам. Лоренцо Медичи воспрепятствовал назначению папой Франческо Сальвати в качестве архиепископа Флоренции. Тогда папа Сикст назначил его архиепископом Пизы – но поскольку Пиза входила в состав флорентийских владений и по оговоренным ранее условиям все церковные назначения в ней должны были делаться только с согласия Республики, то Лоренцо попросту не пустил Франческо Сальвати в Пизу, и тот оставался ее архиепископом только по имени.

В общем, все это начинало напоминать сильно разогретый котел с очень горячей кашей – и крышка с этого котла свалилась в 1476 году, как раз в день Святого Стефана, когда герцог Миланский, Галеаццо Мария Сфорца, отправился на утреннюю мессу.

На пути к собору он был зарезан.

V

Казалось бы, какая связь между убийством правителя в Милане и конфликтом между Папством и Флоренцией? Связь, однако, была, и при этом самая непосредственная. К 1476 году Республика Флоренция оставалась общепризнанным культурным центром Италии, но как военная и экономическая сила значительно ослабела и представляла собой что-то вроде буферного государства между владениями Милана и владениями Венеции. И понадобилось все дипломатическое искусство Лоренцо Медичи для того, чтобы поддерживать это положение посредством перестраховочных союзов с обоими своими сильными соседями, которые как бы балансировали друг друга.

Убийство герцога Галеаццо Сфорца баланс этот нарушало – его наследником был семилетний мальчик, сам править неспособный. Так что в Милане началась свара его дядюшек за позицию регента, и ничто другое их уже не беспокоило. Теперь Республике Флоренция следовало опасаться своего союзника, Венеции, – там как раз могли появиться идеи насчет округления своих владений за счет Республики – но, как оказалось, угроза появилась и в другом месте.

В первые недели 1477 года в Риме началась планомерная подготовка к свержению режима Медичи во Флоренции. Главным лицом заговора был, по-видимому, Джироламо Риарио – обладание Имолой его не удовлетворило, теперь он целился на добычу покрупнее, на Феррару, союзницу Флоренции, – и ему надо было убрать Лоренцо Медичи со своего пути. К Джироламо примкнул и Франческо Сальвати, неудавшийся архиепископ, – он надеялся получить Флоренцию в качестве своей новой епархии.

Наконец, имелся и еще один Франческо – Франческо Пацци, глава римского отделения того самого флорентийского банка, который снабдил Святой Престол

деньгами на покупку Имолы. Он полагал, что семейство Медичи набралось слишком уж большой гордости, правит Флоренцией, не принимая во внимание интересов других «простых граждан», и хорошо бы заменить его другим семейством.

Например, семейством Пацци?..

Правда, глава банкирского дома Якопо Пацци к идее своего молодого родственника Франческо отнесся скорее холодно. Старый Якопо был известен не только как почтенный банкир, но и как азартный игрок. Однако в данном случае он посчитал, что ставки слишком велики, а шансы на успех слишком незначительны. Но Франческо Пацци не унимался и не оставлял своих усилий убедить дядюшку. По его просьбе Джироламо Риарио организовал встречу главных заговорщиков со Святым Отцом. Ему было сказано, что имеется план устранения Лоренцо Медичи – и он согласился, что это было бы хорошим делом, угодным Господу.

Правда, папа Сикст поставил условие – никакого смертоубийства, ибо «одобрение таких замыслов противоречит его сану». Каким образом можно отстранить действующего главу государства от власти, не прибегая к смертоубийству, Святой Отец не пояснил, но самой идее смены режима во Флоренции дал свое благословение.

Папское одобрение решило дело – Якопо Пацци перестал колебаться.

VI

Весной 1478 года Флоренция принимала высокого гостя, кардинала Рафаэля Риарио. Он был сыном племянницы Сикста IV и кардиналом стал в возрасте 16 лет, сразу после того, как чисто формально, со скоростью метеорита закончил образование на теологическом факультете Пизанского университета. Встречали его со всем возможным блеском и радушием, которые полагались ему по сану, и даже этот высокий стандарт пышности был перекрыт – уж очень хотелось уладить все «возникшие недоразумения» между Римом и Флоренцией. Торжественная церковная служба была назначена на 2 мая 1478 года Санта-Мария-дель-Фьоре, главном соборе Флоренции, и кардинал Риарио должен был

там самолично служить литургию. На службе присутствовали оба соправителя Флоренции – и Лоренцо Медичи, и его брат Джулиано.

Как только кардинал поднял Святые Дары, на братьев напали убийцы.

В Италии того времени в ходе политических споров делались самые разные дела, но все-таки в церквях убивали нечасто. Но так уж сложились обстоятельства. Обоих братьев надо было непременно поймать одновременно и вместе – если бы один из них был убит, а другой уцелел, то он успел бы собрать своих сторонников. Покушение поначалу намечалось осуществить на банкете в честь кардинала Риарио. Но Джулиано на обед не явился, и планы пришлось менять на ходу. Импровизации в таком тонком деле, как политическое убийство, редко приносят хорошие результаты. Так случилось и в данном случае. Джулиано Медичи, правда, был убит на месте, но Лоренцо удалось ускользнуть – его друг и приближенный, Анжело Полициано, успел втолкнуть его в ризницу собора и захлопнул за ним дверь. Момент оказался упущен. В городе поднялась тревога, толпы сторонников семейства Медичи буквально на части разорвали тех из заговорщиков, до которых сумели добраться, а дальше уже в более организованном порядке взялись за остальных.

Семейство Пацци, естественно, попало под главный удар – больше двух сотен их друзей, родственников и сторонников оказались в тюрьме, и в ходе «допросов с пристрастием», когда подсудимых нещадно пытаются, было выяснено действительно немало.

Все имущество дома Пацци было конфисковано. По всей территории владений Республики шли облавы на заговорщиков. одному из них удалось ускользнуть и добраться до Турции. Его, однако, выдали и оттуда. Султан поддерживал хорошие отношения с Флорентийской Республикой, случалось, обменивался подарками с ее правителями и вообще заговоров не одобрял. Так что беглец был выдан в цепях во Флоренцию, где его благополучно и повесили. Процедура выдачи заняла много времени, так что случилось это только в 1479 году.

Главных же участников заговора повесили сразу. Якопо Пацци не пришлось ждать так долго – его поймали в деревне под Флоренцией, пытали и повесили. Его племянника Франческо Пацци нашли в чулане его дома и вместе с еще четырьмя заговорщиками повесили в окнах верхних этажей главной правительственной резиденции, дворца Синьории. Одним из них был архиепископ Пизанский, Франческо Сальвиати. Поскольку обычным способом

повешенья в таких случаях служило выбрасывание из окна с веревкой, надетой на шею, смерть наступала моментально, просто от перелома позвонков, но с архиепископом, по-видимому, поступили менее милосердно. Анжело Полициано записал в своих воспоминаниях, что Сальвиати еще какое-то время был жив, с вылезавшими из орбит глазами вертелся на веревке и в последний момент впился зубами в ногу висящего рядом с ним Франческо Пацци.

Впрочем, Полициано был поэтом – он мог все это попросту вообразить.

Сложные пути итальянской дипломатии, 1478–1481

I

«Заговор Пацци» – под таким названием все вышеописанное вошло в историю – сам по себе провалился, но провал вовсе не закончил дела. Кардинала Рафаэля Риарио, племянника папы, не убили чисто случайно – он успел спрятаться в соборе, за алтарем, а уж оттуда его выручили слуги Лоренцо Медичи. Лоренцо проследил, чтобы с кардиналом не случилось ничего плохого, а потом тайно отправил его в Рим – переодетым и с большим эскортом. Гнева Святого Отца это не смягчило. Он, что называется, «двигал Небо и Землю», призывая громы на голову проклятого Лоренцо, а поскольку на громы надежда у него все-таки была плоховата, папа отлучил Флоренцию от Церкви, мобилизовал все свои военные силы, организовал нападение на владения Флоренции и привлек к этому предприятию силы короля Неаполя Ферранте. Ну, с отлучением у него получилось не слишком хорошо – епископы Тосканы отнеслись к такому начинанию Святого Отца без всякого энтузиазма, а вскоре и вовсе объявили его незаконным. Папские силы, двинувшиеся было от Имолы в сторону Флоренции, тоже большого успеха не имели – но вот с Неаполем у папы Сикста все получилось. Король Ферранте действительно двинул свои войска на север, в покоренных Флоренцией Пизе и Лукке началось брожение, а Венеция, номинальный союзник Флоренции, в помощи ей отказала. Вообще-то, в создавшейся обстановке успехом надо было считать уже одно то, что Светлейшая Республика Венеция не напала на Флоренцию – но, понятное дело, для флорентийцев это было слабым утешением. Выстоять одновременно против

всех своих врагов они бы не смогли – и тут Лоренцо Медичи доказал, что он действительно замечательный дипломат.

Он поехал в Неаполь.

Сказать, что это был смелый шаг, – значит не сказать ничего. Король Ферранте даже на фоне тогдашних итальянских нравов слыл чудовищем. Лоренцо Медичи, фактический глава Республики Флоренция, ехал к королю в качестве «посла Республики», он не вышел из роли «простого гражданина», и просто написал Синьории, что поскольку вся эта война началась с покушения на него и его брата, то он чувствует, что его долг заключается в том, чтобы самому попытаться положить ей конец, и если для блага Республики необходимо поставить свою жизнь на карту, он сделает это без малейшего колебания.

То, что Ферранте может не посчитаться с его дипломатическим статусом, было ясно и без слов. Что говорить про Ферранте, если сам папа римский Сикст IV после провала заговора Пацци кинул в тюрьму флорентийских дипломатов, пребывавших в Риме, и спасло их только вмешательство всех иностранных посланников при Святом Престоле – ну, и благополучное возвращение в Рим его внучатого племянника, кардинала Рафаэля Риарио. Но в Неаполе Лоренцо Медичи рассчитывать было и вовсе не на что – кроме, конечно, собственной головы и очень значительных средств, которые он прихватил с собой.

Прибыв в Неаполь, он повел себя самым разумным и предупредительным образом – королю и его близкому окружению были сделаны дорогие подарки, Лоренцо пожертвовал деньги на всякого рода богоугодные дела вроде помощи бедным бесприданницам или, скажем, выкупа пленных из турецкого плена, но самое главное, он предложил королю на рассмотрение некую схему союза. Он обратил внимание короля Ферранте на то обстоятельство, что гибель Флоренции пойдет на пользу в первую очередь не ему, а Папству, непосредственному соседу Республики.

А поскольку Святой Престол заполняется не на династической, а на выборной основе, то совершенно неизвестно, с кем королю придется иметь дело в будущем. Может быть, даже в недалеком будущем – кто знает? Так не лучше ли ему не усиливать папу римского, а иметь надежного друга несколько севернее границ Папской области?

Ферранте, конечно, был чудовищем. Но голос холодного разума до него вполне дошел. Союз был заключен.

Лоренцо спас свою Флоренцию.

II

Папа Сикст IV был упрямым человеком, и сам по себе выход Неаполя из войны с Флоренцией его бы не остановил – но тут вмешались внешние обстоятельства. Во-первых, в Милане прекратились игры вокруг регентства – власть сосредоточилась в руках Лодовико Сфорца, брата зарезанного герцога[17 - Лодовико был известен по его прозвищу – «Il Moro», «Мавр», и мы на страницах этой книги с ним еще встретимся.]. Во-вторых, в расчеты итальянских государей самым серьезным образом вмешались турки. Летом 1480 года рыцари-иоанниты под командованием своего гроссмейстера Пьера д'Обюссона выдержали турецкую осаду и удержали остров Родос. Это произвело огромное впечатление во всей христианской Европе – но и в Турции тоже. И с целью поквитаться за поражение турецкий флот напал на Италию. 11 августа 1480 года порт Отранто был захвачен внезапным налетом с моря, по меньшей мере половина жителей его была перебита, множество других было захвачено в качестве рабов.

В Риме началась такая паника, что уехать из города собирался даже сам папа Сикст.

На собрании Консистории кардиналов было единодушно решено, что все прочие заботы должны быть оставлены перед лицом явной опасности – турецкая угроза слишком велика. Папа Сикст IV обратился ко всем государям Европы с призывом «забыть обиды, сплотиться в единой борьбе и отразить неверных» – и призыв нашел отклик даже в далекой Франции – король Людовик XI пообещал прислать войска и даже какие-то деньги.

А король был известен хитростью, интриганством, считался истинным «Пауком» – и был к тому же известен как государь очень прижимистый. Если уж он пообещал дать денег, значит, угрозу в виде турецкого плацдарма в Италии действительно ощущали все.

В марте 1481 года был действительно заключен союз между папой римским, Францией, империей и всеми итальянскими государствами с целью войны с турками. Ну, не совсем всеми – Венеция к договору не присоединилась, а, наоборот, заключила с Турцией мир. Политика Светлейшей Республики, как всегда, определялась не «пламенем веры», а скорее «холодным здравым смыслом». В Риме срочно снаряжали новый флот – по договору папа Сикст обязался предоставить для общего дела 25 галер, полностью снаряженных для войны. И тут соображения холодного здравого смысла наконец превозмогли его упорную нелюбовь к семейству Медичи – отлучение от Церкви с Флоренции было снято, а в порядке ответной любезности флорентийцы внесли в папскую казну очень значительную сумму в 40 тысяч флоринов. Тем «война Пацци» между Римом и Флоренцией и кончилась.

В мае 1481-го в Риме прошли слухи о смерти султана. 2 июня они были подтверждены венецианским послом – как всегда, венецианцы знали все раньше всех, и уж их сведения были вполне надежны.

В Риме началось подлинное ликование. Папа Сикст провел публичное заседание Священного Совета, на котором присутствовали все капитаны уходящих на Восток галер. По освященному временем обычаю они по очереди поцеловали папскую туфлю. Под гром артиллерийских салютов – пушки уже существовали – галеры двинулись вниз по Тибру – сначала к Остии, а потом и дальше, в море.

10 сентября 1481 года турки ушли из Отранто.

III

Все это время не было у папы Сикста более преданного и лояльного сторонника, чем кардинал Родриго Борджиа. Все свои недюжинные способности дипломата он использовал на пользу дела – например, он очень поспособствовал установлению союзных отношений Рима с королем Неаполя Ферранте. У него в Неаполе были прекрасные связи – еще в 1478-м Родриго Борджиа лично обвенчал Ферранте с его кузиной, принцессой Хуаной, сестрой царствующего короля Арагона. Уж что думала бедняжка, в свои 22 года выходя замуж за своего 53-летнего кузена, которым в Неаполе пугали детей, осталось истории неизвестным, но для Ферранте это был огромный успех – его, незаконного

отпрыска династии, принимали в лоно семьи Трастамара...

Кардинал Родриго Борджиа не только венчал счастливых новобрачных, но еще и сильно способствовал их браку – у него были превосходные связи и в Кастилии, и в Арагоне. Но у него были вполне дружеские отношения и с семейством Медичи – во всяком случае, он очень помог тому, чтобы папа Сикст в конце концов примирился с Флоренцией. У него вообще имелась вполне сознательная политическая установка – помогать Папству поддерживать хорошие отношения со своими прямыми соседями Флоренцией и Неаполем. Идея «баланса сил» еще не была сформулирована как самостоятельная теория, но Родриго Борджиа был прирожденным дипломатом и верил в терпение. Силовые методы борьбы его совершенно не привлекали – он был широким человеком и мало беспокоился по поводу «обид и поношений», к которым папа Сикст был столь чувствителен.

Это отсутствие беспокойства по поводу того, что скажут люди, стало проявляться у Родриго очень рано, еще во время его приключений в Сиене. С годами он стал осторожней, но старых привычек не оставил, и, когда в 1480 году его любовница Ваночца де Каттанеи родила ему прелестную девочку, названную Лукрецией, он это дитя узаконил. Тут, собственно, надо сделать оговорку – Лукреция Борджиа была уже шестым ребенком кардинала, которого он узаконил, и третьим, которого родила ему Ваночца. Первым был его сын, названный Педро Луисом и мать которого осталась неизвестной. За ним последовали две девочки, Изабелла и Джиролама – их матери тоже остались неизвестными.

Но где-то после возвращения из Испании, примерно в 1473 году, у кардинала Родриго Борджиа началась уже по-настоящему длительная и прочная связь с Ваночцей де Каттанеи. Кто она такая, в сущности, неизвестно. Родилась она в Риме в 1442-м, отличалась замечательной красотой и рассудительностью и скорее всего была «из простых». Во всяком случае, никаких следов благородной родни у нее так и не обнаружили, хотя впоследствии следы эти искали старательно и даже ревностно... Наиболее вероятно, что она была куртизанкой, с которой кардинал познакомился обычным для такого рода профессии образом, но к которой он привязался. Он даже выдал ее замуж за пожилого юриста Доменико Дзанноццо ди Риньяно как раз накануне рождения ее старшего сына, Чезаре. Идея, собственно, состояла в том, чтобы узаконить мальчика, дав ему фамилию ди Риньяно, а на свадьбу кардинал подарил своей прекрасной подруге дом на Pizzo di Merlo. Но потом он передумал, и Чезаре в возрасте пяти лет был признан сыном кардинала Родриго Борджиа и Ваночцы. Все было оформлено в

высшей степени официально, с ведома и одобрения самого Святого Отца, папы Сикста IV. Следующий сын Родриго и Ваноццы был назван Джованни, или, на испанский лад, Хуаном. А уж потом родилась еще и девочка, Лукреция, о которой мы уже говорили. В общем, личная жизнь Родриго Борджиа шла так же удачно, как и его политическая деятельность, и если было некое облачко, которое ее слегка омрачало, так это некоторая натянутость, возникшая между ним и семейством делла Ровере. Папские племянники, как делла Ровере, так и их кузены, Риарио, стали поглядывать на кардинала Борджиа с некоторым подозрением.

В Риме на эту тему ходило множество сплетен.

Кто-то говорил, что папские родственники подозревают его в излишних амбициях, кто-то – что кардинал слишком уж привержен к миру и не выказывает достаточного пыла в защите дела папы Сикста IV в его ссоре с Флоренцией. Говорили, наконец, что до того, как Родриго Борджиа увлекся Ваноццей де Каттанеи, она была в связи с кардиналом Джулиано делла Ровере и что настоящий отец Чезаре Борджиа не кардинал Родриго, а кардинал Джулиано.

Но мало ли о чем болтают в городе Риме?

Спорные вопросы престолонаследия

I

Нет, наверное, более деликатной процедуры в государственном механизме, чем процедура передача власти – причем это касается любого типа общества, хоть монархии, хоть диктатуры, хоть демократии. Скажем, в Европе XV века стандартным типом государственного устройства была монархия, а стандартным видом передачи власти было «естественное право наследования» – все полномочия носителя власти переходили к его старшему сыну, при этом желательно уже достигшему дееспособного возраста. В герцогстве Миланском, однако, случилось так, что в момент смерти герцога Галеаццо Мария Сфорца его

наследнику было всего семь лет. Ну, на этот счет опять-таки имела место установленная законом и обычаем процедура – несовершеннолетнему наследнику назначался регент-опекун, обычно из числа его близких родственников, который и вел дела государства вплоть до достижения юным государем надлежащего возраста. В Милане в 1480-м таким опекуном-регентом стал брат герцога Галеаццо, Лодовико Сфорца, прозванный Лодовико Моро, или Лодовико Мавр. Но вот того, что по прошествии ряда лет опекун избавится от своего подопечного – процедура не предусматривала, и вопрос о «законности правления в Милане» повис в воздухе, что имело потом значительные последствия.

А у короля Кастилии Энрике IV вообще возникли непреодолимые проблемы с производством хоть какого наследника – его гранды считали, что дочь короля принцесса Хуана его дочерью не является, ибо супруга короля довольно открыто жила со своим любовником, Бельтраном де ла Куэва. Девочку в результате прозвали «Бельтранехой», по имени ее предполагаемого отца, и за наследницу считать отказались. Отсутствие наследника у государя опять-таки предусматривалось установленной процедурой – престол в этом случае переходил к тому из детей его отца, кто следовал за ним по старшинству. Но в Кастилии случилось так, что следующей по старшинству была сестра короля, принцесса Изабелла, но следующим за ней был принц Альфонсо – и кастильские гранды раскололись: одни из них стояли за Изабеллу, потому что она старше, а кастильские законы предусматривали передачу престола и по женской линии, а другие, напротив, стояли за Альфонсо, потому что «Изабелла рано или поздно выйдет замуж, и тогда престол Кастилии будет принадлежать ее мужу-иностранцу».

В итоге она действительно вышла замуж за своего кузена Фердинанда, наследного принца Арагона. Так как жених и невеста были кузенами, требовалось разрешение от папы. Необходимый документ был сфабрикован, разрешение было получено задним числом – чему немало поспособствовал кардинал Родриго Борджиа. В итоге эта державная чета создала династический союз Кастилии и Арагона, но в описываемое время, в самом начале 80-х годов XV века, это все еще дело будущего. А пока самым обсуждаемым «вопросом престолонаследия» в Риме служили вовсе не Милан и не Кастилия, а Турция.

Дело тут было в том, что в европейских политических делах неожиданно возник человек, вошедший в историю под именем «несчастливого султана Джема».

Вообще-то, «несчастный султан Джем» был не султаном, а всего лишь сыном султана, и звали его не Джем, а посложнее – Гияс ад-Дин Джем. Но вот насчет несчастья – все верно, ему действительно сильно не повезло. Он был младшим сыном турецкого султана Мехмета II, но у турок довольно сложные отношения с определением того, кто из сыновей султана действительно старший. С одной стороны, султан располагает гаремом, жен у него много, сыновей – тоже много, а по одной из бытовавших у турок теорий выходило, что все братья равны, ибо «лоно женщины всего лишь посредник», и важен только тот факт, что отец ребенка – султан. Но имелась и другая теория, согласно которой личность матери тоже следовало принимать во внимание, и если она была любимой женой султана или, скажем, не самой любимой женой, но дочью какого-нибудь вассального князя, то этот факт повышал статус и ее потомства. Так вот, матью Джема, по слухам, была сербская княжна, кузина Матвея I Корвина. А ему самому в год смерти отца, в 1481 году, было 22 года, он был известен как отважный воин, имел значительную поддержку и в войске, и в Диване и решился на то, чтобы бросить вызов своему старшему брату Баязиду.

В Турции такого рода спорные вопросы, вообще-то, решали саблей, но в данном случае подвернулся и юридический повод, причем позаимствованный из византийской практики. В Византийской империи считалось, что право на престол имеет в первую очередь тот сын императора, который был рожден уже после вступления его отца на престол, то есть рожденный «в багрянице», «багрянородный».

А поскольку Константинополь теперь был столицей не Византийской, а Османской империи и одним из титулов султана являлся «Кайзер-о-рум» – «Римский цезарь» и поскольку Джем родился как раз тогда, когда его отец, в ту пору всего лишь принц Мехмет, получил обратно свои отнятые было у него султанские полномочия, то и выходило, что настоящий законный султан – это Джем, а вовсе не Баязид. Однако, как мы уже упоминали, такого рода вопросы решаются все-таки саблей – и сабля рассудила в пользу Баязида. Джем бежал в Египет, где попробовал собрать новое войско. Из этого тоже ничего не вышло, и тогда он решился на поистине отчаянный шаг – ушел к крестоносцам на Родос.

Гроссмейстер рыцарей-иоаннитов Пьер д'Обюссон принял его любезно, но очень скоро стало ясно, что султана Джема он рассматривает не как гостя, а как пленника. Варианты тут просматривались самые различные – Джема могли, например, выдать Баязиду. Не просто так, а за какой-нибудь очень приличный выкуп, и совсем не обязательно деньгами. Тут могли быть и беспошлинная торговля, и обмен пленными по принципу «всех на всех», и тогда рыцари получили бы сотни или даже тысячи заложников в обмен на одного, ну и так далее. Турки, однако, решили ускорить решение вопроса и подослали на Родос убийц.

Тогда д'Обюссон посмотрел на всю сложившуюся ситуацию пошире. Если султан Баязид идет на столь отчаянные меры для того, чтобы убрать своего брата, значит, он его боится? А чего бояться всеильному султану, как не мятежа в пользу Джема? И тогда естественным образом возникли мысли об использовании «султана Джема» как «щита» от турецких вторжений, а то и вовсе «меча», как подмога в деле Крестового похода...

В общем, д'Обюссон от греха подальше отправил Джема во Францию и поместил его там в одном из замков ордена – Бурганефе. Турецкий принц вызывал большой интерес и как раритет, и как источник хорошего дохода – султан платил его тюремщикам по 40 тысяч золотых в год. Официально – чтобы Джем мог жить, как подобает брату султана, неофициально – чтобы его не выпускали. У Джема остались в Турции жена-итальянка и трое маленьких детей, два мальчика и девочка[18 - Султан Джем был женат на Елене Орсини, дети: Абдулла, принц Саид (1473–1481). Содержался при дворе в качестве заложника еще своим дедом, султаном Мехметом, и был убит по приказу дяди Айша, принцесса Саид (1473–1505), Огуз Кан (Хан) Саид (1474–1483). Был убит в возрасте 9 лет. Сведения эти, однако, не вполне точны, потому что они есть в русской версии Wiki, но в английской их почему-то нет. Кроме того, не удалось найти никаких следов предполагаемой жены султана Джема, Елены Орсини. Она могла попасть в Турцию в качестве пленницы, но имела ли она какое-то отношение к знаменитому римскому семейству Орсини, я не знаю.]. Девочку предназначили к выдаче со временем замуж в знатнейшие семейства – она была внучкой султана Мехмета II и племянницей «падишаха Баязида, тени Аллаха на земле».

Мальчиков зарезали.

Тяжелым выдался для папы Сикста IV 1482 год. Отношения с Неаполем у него сильно обострились, а внутри Папской области на сторону короля Ферранте встал клан Колонна. Это имело и хорошую сторону, потому что Святого Отца немедленно поддержали Орсини. Дело дошло до войны, причем в нее оказались втянуты Флоренция и Милан, поддерживавшие Ферранте, и Венеция, поддерживавшая папу римского. Тем не менее дела папы Сикста шли так плохо, что в конце мая 1482-го неаполитанские войска вошли в Рим. Его выручил племянник Джироламо Риарио, с помощью солдат семейства Орсини – неаполитанцам пришлось отступить.

В общем, понятно, что забот у Святого Отца хватало, и тем не менее он счел нужным начать некое «зондирование»: а не согласятся ли рыцари-иоанниты передать султана Джема ему, Викарию Христа? Не очень даже и понятно, зачем ему это понадобилось? Возможно, регулярные выплаты турецких денег на «достойное содержание принца Джема» выглядели как заманчивая прибавка к доходам Папства, или, может быть, мысль о Крестовом походе все еще туманила папское воображение, но с Пьером д'Обюссоном велись всякие не слишком обязывающие разговоры. Говорить поточнее, имея вражеское неаполитанское войско буквально под стенами Рима, было затруднительно. Военные силы короля Ферранте удалось отогнать только в конце августа – это сделали венецианцы. Общий мир был подписан в декабре, но уже 7 января 1483 года посланник Мантуи в Риме донес своему государю, что «папа римский, Сикст IV, серьезно заболел».

Он прохворал вплоть до лета.

9 августа 1483 года, в годовщину своего избрания, папа Сикст открыл законченную наконец капеллу в Ватикане, названную в его честь Сикстинской[19 - Сикстинская капелла (итал. Cappella Sistina) в Риме, бывшая домовая церковь в Ватикане. Построена в 1473–1481 годах архитектором Джордже де Дольчи по заказу папы Сикста. Первые росписи стен были сделаны в 1481–1483 годах Сандро Боттичелли, Пинтуриккьо и другими мастерами. Микеланджело тоже работал там, но много позднее.]. Проект, связанный с султаном Джемом, так и остался на стадии проекта. Были восстановлены дипломатические отношения между Римом и Миланом, и папа Сикст сделал кардиналом Асканио Сфорца, брата Лодовико Моро. Это означало формальное

признание законности правления самого Лодовико, что было для него немалым успехом – теперь он уже не считался «узурпатором трона герцогства Миланского». Все необходимые бумаги были оформлены к середине марта 1484 года. А в начале августа папе Сиксту стало плохо. Он скончался к 12 августа. Теперь вопросы престолонаследия надо было решать уже не в Кастилии, и не в Милане, и не в Турции, а в Риме.

Святой Престол снова стал вакантным.

Джанбаттиста Чибо, 213-й папа римский

I

Рим и вообще был опасным городом, ходить по нему следовало осторожно и с оглядкой. А уж в период междуцарствия, когда одного человека, носившего на своих плечах всю тяжесть бремени Пастыря Королей и Викария Христа, должен был сменить другой, Рим и вовсе мог свалиться в неуправляемый хаос, где мятежные толпы громили дома тех, кто внезапно лишился защиты папы римского, ныне усопшего, того, кто еще вчера был держателем Святого Престола – и теперь больше им не был.

Так и случилось в августе 1484 года – и месяц этот выдался поистине жарким.

На похоронах «почившего в бозе папы римского Сикста IV» народу было очень мало, и даже его кардиналы-племянники не все рискнули показаться в похоронной процессии – их попросту могли убить. Отпрыски семейства делла Ровере вдруг стали очень непопулярны в Риме и предпочитали оставаться в своих хорошо защищенных резиденциях. Собственно, и другие богатые люди, вовсе и не принадлежавшие к числу родственников усопшего папы, предпочитали оставаться у себя – толпа в желании пограбить необязательно руководствовалась политическими симпатиями. Кардинал Родриго Борджиа, будучи человеком не только богатым, но и предусмотрительным, окружил свой дворец наемной стражей и оснастил ее даже артиллерией.

Проблема выбора нового папы, и без того нелегкая, усугубилась и еще одним дополнительным обстоятельством – укрепленное убежище пап, замок Святого Ангела, примыкавший к Ватикану, где конклав кардиналов и следовало собраться, оказался захваченным. Наемники, занявшие замок, повиновались женщине. Это была графиня Катерина, урожденная Сфорца, супруга Джироламо Риарио. Джироламо же считался племянником покойного папы Сикста, сыном его сестры – хотя многие и полагали, что на самом деле он доводился Святому Отцу родным сыном, отданным сестре на воспитание.

Катерина Сфорца замок Святого Ангела захватила по поручению мужа, и теперь кардиналам предстояло договариваться с ней – и еще неизвестно, с кем в этой супружеской паре им было бы легче поладить. Джироламо в принципе можно было припугнуть. Он находился в отчаянном положении, за время его службы в качестве гонфалоньера Церкви, командующего папскими войсками, у него накопилось немало врагов – но вот его супруга была известна как особа решительная. В 1484 году ей шел только 21-й год, и она была вдвое моложе своего мужа – но договариваться кардиналам пришлось все-таки с ней.

В итоге она сдала замок – «по приказу супруга и за 4000 дукатов», но есть сведения, что она сумела выжать из Священного Совета не четыре тысячи, а вдвое больше.

Деньги супругам Риарио были действительно нужны – им пришлось уехать из Рима, бросив все имущество, которое у них там было. Всех вооруженных людей, которыми они располагали, пришлось взять с собой, иначе живыми из города им было бы не выбраться.

Пока они сидели в осаде в замке Святого Ангела, толпа разнесла по камушку их дворец, и даже сад, окружавший его, был вырублен. Все владения Джироламо, отнятые Сикстом IV у рода Колонна и подаренные им любимому племяннику, вернулись к своим владельцам. Вряд ли Джироламо и Катерина покидали Рим в хорошем настроении – но все же они смогли убраться живыми и даже кое-что унести.

Ну, а конклав кардиналов смог наконец собраться для выборов нового папы.

15 августа 1484 года посол Мантуи в обычной своей депеше домой сообщил, что кардинал Марко Барбо, рассматривавшийся как возможный претендент на Святой Престол, встретил сильнейшее сопротивление. Он был родом из Венеции, а Светлейшая Республика Венеция находилась в данный момент в Риме под серьезнейшим подозрением в попытке захватить Феррару. Так что шансы кардинала Барбо пошли резко вниз.

18 августа посол Флоренции в Риме, человек весьма осведомленный, писал Лоренцо Медичи, что кардинал Родриго Борджиа активно занимается скупкой голосов. Кардинал был любимцем всех пап римских подряд начиная с Каликста, своего дядюшки, и сейчас считался самым богатым из всех князей Церкви – ему было что предложить за поддержку своей кандидатуры.

Формально конклав открылся только 26 августа. 28-го состоялось первое голосование, в котором участвовали 25 кардиналов. Для избрания требовалось набрать две трети голосов, и это было нелегкой задачей. Посол Мантуи оказался прав – кардинал Барбо получил 10 голосов, а ему было необходимо 17. Родриго Борджиа находился в выгодной позиции – его поддержали Неаполь, Флоренция и Милан, но испанские кардиналы были в отлучке, и весь клан семьи делла Ровере стоял за своего кандидата, кардинала Джулиано. Правда, сторонники Родриго Борджиа смогли заблокировать избрание Джулиано делла Ровере, но их обошли на вираже – в качестве альтернативы был выдвинут кардинал Джанбаттиста Чибо. Он был родом из Генуи, выдвинулся благодаря поддержке семейства делла Ровере и рассматривался прочими как слабый человек, без серьезной самостоятельной опоры. Без всяких возражений он подписал представленную ему конклавом бумагу, в которой формально обещал, что не будет назначать на посты комендантов важных крепостей своих родных, а будет ставить туда только прелатов, облеченных церковным саном, что он не будет создавать новых кардиналов без согласия двух третей конклава, ну и так далее. В частности, новоизбранный папа должен был дать обещание, что он не назначит никакого своего племянника – и вообще никакого своего родственника – на пост гонфалоньера Церкви.

Кардинал Джанбаттиста Чибо согласился на все – и был избран папой римским, 213-м по счету, если вести этот счет с самого апостола Петра, первого епископа Рима. Новому папе было 52 года – он был всего лишь на год младше своего

собрата по конклаву, кардинала Родриго Борджиа. У них вообще было много общего – в частности, внебрачные дети. Джанбаттиста Чибо в молодые годы поучился в университете в Падуе и в Риме, жил там довольно весело и, как утверждалось, счет своим детишкам вел на дюжины, всех их он не помнил. Но двух детей – сына Франческетто и дочку Теодорину – он любил, и, что еще более важно, он их признал своими детьми, а не своими племянниками, как было в обычае. Это был совершенно новый факт – и он открывал перед новым папой, нарекшимся Иннокентием VIII, определенные возможности. Теперь он мог устраивать своим детям настоящие династические браки. Однако это все было делом будущего, а сейчас, ранней осенью 1484-го, его одолевали заботы более насущные. В Риме состоялась пышная коронация – новый Понтифик был увенчан тиарой, знаком его великой власти. Все подробности этой церемонии были тщательно записаны Иоганном Бурхардом, вступившим в 1483 году в должность церемониймейстера папского дворца.

На наше счастье, он был человеком методичным[20 - Дневник Иоганна Бурхарда, папского церемониймейстера, послужил для позднейших историков истинным кладезем всевозможных сведений о ежедневной жизни папского двора того времени – с 1483 по 1506 год. Мы будем часто его цитировать.].

III

В конце октября 1484 года в Риме принимали почетного гостя – дон Альфонсо, сын короля Ферранте, приехал поздравить нового папу римского с его восхождением на трон Святого Петра. Визит был настолько важен, что банкет был устроен во дворце самого тонкого знатока роскоши, какой только был в Риме. Банкет устроил кардинал Родриго Борджиа, человек высокого вкуса и огромного богатства, и его даже привыкшие к блеску гости были поражены. Кардинал Асканио Сфорца послал своему брату Лодовико Моро подробное описание и празднества, и дворца – в Милане очень дорожили своей репутацией «самого блестящего двора Европы», и герцог Лодовико хотел быть в курсе всех новинок роскоши и моды. Так что да – прием дон Альфонсо прошел на славу.

Вот только проблем, начинающих уже возникать между Римом и Неаполем, он не решил. Проблемы же состояли в том, что король Неаполя полагал, что он поспособствовал избранию папы Иннокентия, и теперь было бы хорошо, если бы

Святой Отец выразил ему свою благодарность за это в какой-нибудь осязаемой форме. Например, уступив округ Беневенто – ну и, может быть, еще что-нибудь, это уж будет видно потом, после принципиального согласия на уступки. Помимо «естественного желания увидеть благодарность папы за помощь в избрании», у Ферранте имелись и другие мотивы, куда более убедительные. Он полагал, что папа Иннокентий никаких значительных по силе войск сейчас не имеет, а вот у короля Неаполя они как раз были, и при этом им было нечем платить. Так что захват пограничных округов Папской области послужил бы прекрасным решением – и солдаты были бы при деле, и оплата обеспечена за счет будущей добычи.

Вообще-то номинально королевство Неаполя было вассальным папским владением.

Но, принимая во внимание существующие обстоятельства, король Ферранте для начала сделал одну простую вещь: он послал папе белого коня-иноходца как «знак своего внимания и восхищения». Такого рода подарки полагалось прикладывать к синьориальному платежу – вассал платил своему синьору положенное и присоединял что-нибудь сверх оговоренного как знак благодарности, что и передавалось получателю вместе с платежом.

Мысль о том, что подарок можно передать не вместе с платежом, а вместо платежа, была совершенно новой. На такой «знак восхищения» надо было как-то реагировать – и папа Иннокентий у себя собрал узкий совет, состоящий из наиболее значимых кардиналов. Родриго Борджиа посоветовал Святому Отцу соблюдать осторожность и тянуть время. Бароны Неаполя вряд ли примирятся с неожиданными амбициями своего короля, которые непременно отзовутся и на них. Поэтому кардинал Борджиа полагал, что «у Ферранте непременно возникнут проблемы поближе к дому». Но у папы Иннокентия были и другие советники. Самым влиятельным из них был кардинал Джулиано делла Ровере. Этот человек не был склонен к осторожности и надеялся только на силу. А надо сказать, что влиятельность Джулиано делла Ровере стояла на весьма твердых основаниях: Лоренцо Медичи инструктировал своего посла в Риме держаться с кардиналом делла Ровере как можно более любезно, ибо «он больше папа, чем сам папа».

Ну, что сказать? Лоренцо Медичи был совершенно прав. Так оно и было. Папа Иннокентий после своего избрания не нарушил клятвы не ставить своих родственников на важнейшие посты – но клятвы не ставить на эти посты членов

семейства делла Ровере он не давал.

Джованни делла Ровере, брат кардинала Джулиано, при папе Сиксте был префектом Рима, а при папе Иннокентии уже в декабре 1484 года стал командующим войском Святого Престола с чином генерал-капитана.

В итоге «племянники папы Сикста» даже увеличили свое могущество, потому что теперь дядя их уже не ограничивал. И если Джироламо Риарио пришлось бежать из Рима, то его кузены правили уже и самим папой Иннокентием – прекословить им он не смел. Главой же клана делла Ровере был кардинал Джулиано.

И он решился на войну.

IV

Конфликт с Неаполем вспыхнул в 1485 году, и искрой послужил мятеж. Родриго Борджиа оказался совершенно прав – у короля Ферранте действительно «возникли проблемы поближе к дому». Родриго как-никак заведовал в Риме многими вещами, связанными с администрацией и финансами, и он понимал, что неаполитанские финансы под грузом войн, идущих год за годом, находятся в полном расстройстве. Ферранте пришлось прибегнуть к мерам поистине экстраординарным – скажем, он заложил коронные драгоценности у флорентийских банкиров. На собственность духовных учреждений были наложены совершенно незаконные налоги, и король даже поставил на продажу свое право на номинацию епископов. Ясное дело, в отчаянных мерах, призванных как-то заткнуть дыры в бюджете, он не обошел своим вниманием и баронские поместья. Конечно же, ими был замыслен мятеж, и, конечно же, король Ферранте узнал о нем и решил ударить первым. Одним из виднейших грандов Неаполя был граф Монторио. Его удалось схватить – но делу это не помогло.

Вассалы графа восстали, объявили, что они больше не признают Ферранте своим государем, заявили, что «просят защиты папы римского от тирана» и взялись за оружие.

В Риме была созвана Коллегия кардиналов для обсуждения вопроса: что же следует делать? Клан делла Ровере, безусловно, стоял за войну, и на их стороне обнаружилась мощная поддержка – кардинал Балю, представлявший в курии интересы короля Франции, обещал от имени своего государя всяческое содействие. Это и решило все дело – война действительно началась.

Как оказалось, «поддержка недовольных баронов» – оружие обоюдоострое. Неаполитанское войско получило самую деятельную поддержку со стороны некоторых членов клана Орсини – скажем, Виргинию Орсини провозгласил, что он под знаменем короля Ферранте возьмет Рим и первым делом снесет голову кардиналу Джулиано делла Ровере, наденет ее на пику и пронесет по улицам, а папу Иннокентия, так и быть, не убьет, а просто кинет в Тибр. Тем временем Роберто Сан Северино, который в качестве вассала Ферранте держал в своей власти Салерно, сумел захватить кардинала Джованни Арагонского, сына короля Ферранте. По слухам, он заставил его выпить медленно действующий яд, который и убил беднягу после мучительной агонии. Проверить это невозможно, но кардинал в плену действительно умер, а уж как именно его убили, сейчас не доищешься.

Дебаты в Риме тем временем продолжались. Родриго Борджиа обратил внимание Святого Отца на то обстоятельство, что военные действия ведут к тупиковой ситуации, и предложил ему заключить мир. Кардинал Балю протестовал и говорил, что король Франции вскоре придет на помощь Святому Престолу со всеми своими войсками, на что кардинал Борджиа заметил, что «такое лекарство будет горше самой болезни».

Ссора разрослась до того, что в присутствии всей конгрегации кардинал Балю обозвал своего оппонента «сыном шлюхи», «жидом-выкрестом» и «мавром», к чему, надо сказать, его оппонент отнесся с полным равнодушием.

Военные действия тем временем несколько утихли – Ферранте раскаялся, пообещал возобновить свои вассальные обязательства и даже подписал с папой формальный договор о мире.

Он нарушил его, и очень скоро.

Облавы на мятежных неаполитанских баронов, которым, согласно договору, предоставлялось полное прощение, начались через два дня после подписания этого договора – и перехватывали их почти всех. Роберто Сан Северино правда бежал в Равенну – амнистия там или не амнистия, но он знал, что ему прощения не будет, и принял меры предосторожности загодя. Всех остальных посадили в подземные камеры дворца короля Ферранте в Неаполе и после долгих пыток казнили. Король был известен жуткой фантазией – своих побежденных врагов он не оставлял в покое даже после смерти. С трупов сдирали кожу, изготавливали из них чучела, и они, наряженные в роскошные одежды, рассаживались в королевской трапезной за столами – Ферранте любил ужинать при свечах в их обществе. По крайней мере, такие ходили о нем слухи, и если они были справедливы, то в ту пору он значительно пополнил коллекцию экспонатов в своем жутком «музее». Но наиболее существенным «деловым» обстоятельством, с его точки зрения, было то, что конфискацией имущества казненных он решил свои финансовые проблемы и смог нанять новых кондотьеров-наемников. Военная инициатива в войне Неаполя с Папством теперь перешла к нему – и где-то к весне 1487 года этот факт оказался очевиден и в Риме. Надо было искать новых союзников.

Одним из главных кандидатов на эту роль оказался Лоренцо Медичи.

Союз Рима и Флоренции был действительно заключен и даже скреплен династическим браком. В марте 1487 года сын папы Иннокентия, Франческо Чибо, немолодой уже человек, которому было за 40, обвенчался с Маддаленой Медичи, которой не было еще и 14. Вообще говоря, скандал вышел немалый – и вовсе не из-за разницы в возрасте новобрачных, а потому, что в первый раз на людской памяти папа римский устраивал брак не кому-то из своих «племянников», а своему собственному сыну, так сказать, плоти и крови своей. Но даже и этот скандал померк перед следующим – папа даровал брату своей невестки, Джованни Медичи, сан кардинала. Суть дела тут состояла в том, что Джованни был младшим братом 14-летней Маддалены. Ему было всего 13 лет. Ну, некоторые приличия были все-таки соблюдены – Джованни стал кардиналом-мирянником. Так именовались кардиналы, не имевшие сана священника или епископа. Шум тем не менее ожидался немалый, и папа Иннокентий договорился с новой родней, что назначение останется на некоторое время в секрете.

Каковы бы ни были неудобства, связанные с 13-летним кардиналом Джованни Медичи, в глазах папы Иннокентия союз с домом Медичи был важнее чего угодно – само имя Медичи могло служить синонимом слова «деньги». А слово «деньги» в Италии того времени означало еще и «могущество». Считалось, что работнику достаточно зарабатывать два дуката в месяц. Так что банкиры, располагавшие сотнями тысяч дукатов, могли считаться князьями – а Медичи были князьями среди банкиров. При наличии семейного союза с домом Медичи папа Иннокентий мог спать спокойнее – вражда с Неаполем была уже не так страшна. Так все и было – до тех пор пока в феврале 1490 года в Рим не дошли слухи о новой беде.

Неаполь заключал союз с Миланом.

Год от Рождества Христова 1492-й

I

Год от Рождества Христова 1492-й начался поистине знаменательно – 2 января этого года долгая осада Гранады наконец завершилась, эмир Боабдиль сдал свою столицу Их католическим величествам, королю Фердинанду и королеве Изабелле, преклонил перед ними колени, поцеловал им руки в знак подчинения и тем формально прекратил существование «последнего оплота мавров на испанской земле». Этим актом заканчивалась десятилетняя война за Гранаду и даже, пожалуй, вся 800-летняя Реконкиста – бесконечная война христианских государств Испании, нацеленная на то, чтобы отнять обратно завоеванные арабами земли на Иберийском полуострове. Впечатление, произведенное в Европе этим успехом, можно себе представить хотя бы на фоне бесконечных и совершенно бесплодных попыток Папства организовать Крестовый поход против турок. Союз Арагона и Кастилии, объединенных личной унией их государей – браком короля Арагона Фердинанда II и королевы Кастилии Изабеллы I, продемонстрировал свою мощь, еще и увеличенную захватом такой богатой добычи, как эмират Гранады.

Собственно говоря, формально победа досталась только одному королевству – Короне Кастилии, объединявшей Кастилию и Леон, но, понятное дело, без тесного сотрудничества с Арагоном она бы не удалась. Объединение двух Корон – Арагона и Кастилии – теперь все чаще называли просто Испанией, государственное устройство, таким образом, стало совпадать с географическим понятием, и их католические величества немедленно, не теряя ни дня, начали процесс и политической консолидации своих владений. Уже 31 марта в завоеванной Альхамбре, дворце гранадских эмиров, был подписан эдикт об изгнании евреев из Испании – этим актом в стране вводилось единоверие и отменялась религиозная терпимость. Согласно энциклопедии, «Эдикт предписывал всем иудеям Испании в трехмесячный срок либо креститься, либо покинуть пределы страны; оставшиеся после этого срока объявлялись вне закона. Евреи бежали либо в Португалию (где через 30 лет история повторилась), оттуда – на север Европы, либо в Италию, Османскую империю, страны Северной Африки».

Изгнанным было запрещено вывозить золото и серебро, хотя и «разрешалось продавать свое имущество». Понятное дело, разрешение на продажу при запрете на вывоз выручки мало что значило – решившиеся на эмиграцию уносили разве что одежду на своих плечах. Считалось, что это мероприятие обогатило Испанию. Турецкий султан Баязид, открывший свои границы изгнанникам, полагал, что их католические величества поступили недальновидно, лишая себя подданных и обогащая тем самым его самого. Ибо, как говорил султан, свои руки и свои мозги они все-таки унесли с собой, а имущество – дело наживное.

Сам процесс изгнания оказался более трудным мероприятием, чем планировалось, – все в основном закончилось только в самом конце июля 1492 года.

3 августа того же года морская экспедиция, снаряженная в Кастилии по настоянию Христофора Колумба, увенчалась успехом – двигаясь на запад через простор океана, он сумел достичь твердой земли. Последствий этого события в то время, конечно же, не предвидели, да и вести об открытии Колумба достигли Европы далеко не сразу. Куда больше всех занимали новости, пришедшие из Рима: понтификат Иннокентия VIII пришел к концу.

Предстояли выборы нового папы римского.

Последние годы папы Иннокентия были нелегкими. Когда в 1489 году в Риме узнали о том, что Лодовико Сфорца в силу причин, известных только ему, согласился на заключение брака между своим племянником Джаном Галеаццо Сфорца и принцессой Изабеллой, внучкой Ферранте, короля Неаполя, он был встревожен выше меры. Были приняты все возможные меры, укреплявшие связи Святого Престола с Францией, а с целью поднять престиж Папства была предпринята попытка возродить идею Крестового похода. Такие вещи в прошлом всегда помогали – если не в том, чтобы действительно нажать на турок, то в том, что они несколько снимали напряжение между папой и его соседями. Так что в срочном порядке переговоры с Пьером д'Обюссоном были завершены, и в обмен на кардинальскую шапку он согласился передать папе своего почетного пленника, султана Джема.

В марте 1489 года он прибыл в Рим в сопровождении своего живописного антуража.

Ну, в тот момент никакой Крестовый поход мысли папы Иннокентия скорее всего не занимал, но в январе 1492-го, сразу после взятия Гранады, очень многое стало выглядеть по-другому. Этому очень способствовал кардинал Родриго Борджиа, и по вполне понятной причине – он был тесно связан с Испанией. В основном, конечно, с Арагоном – в домашнем кругу он даже и говорил главным образом на каталонском, но и его связи с Кастилией тоже были сильны. В конце концов, он оказал самое деятельное содействие браку Фердинанда и Изабеллы – королева к Родриго Борджиа очень благоволила.

Старший сын кардинала Борджиа, Педро Луис де Борха, прекрасно показал себя в ходе войны с Гранадой, отличился при взятии крепости Ронда. Владение Гандиа тогда окончательно перешло к Борджиа и было сделано герцогством. Так что Педро Луис де Борха, известный в Италии как Пьетро Луиджи Борджиа, стал первым герцогом Гандии. Но в 1488-м он неожиданно умер в возрасте всего 26 лет, и Родриго Борджиа пришлось подумать над тем, как сохранить титул герцога Гандии в своей семье.

Титул перешел к его сыну от Ваноччи Каттенеи, Джованни. В Испании, конечно, его звали Хуаном.

В принципе титул мог бы наследовать и Чезаре Борджиа, он был на год старше, чем Джованни. Однако Родриго Борджиа следовал старинной традиции, заведенной в знатных семьях Испании и Италии, – старший сын наследовал титул и земли, а сын, следующий за ним, предназначался для духовной карьеры. Так что Чезаре еще в 1480 году получил от папы Сикста специальное разрешение – не доказывать законность своего рождения, хотя он и был зарегистрирован как «внебрачный сын кардинала Родриго Борджиа и замужней дамы» – имя дамы, опять-таки по заведенному обычаю, в таких случаях не называлось. Папское разрешение снимало проблемы, связанные с церковными назначениями, а специальный указ короля Арагона, признававший юного Чезаре Борджиа своим подданным, завершил процесс легитимизации – так что уже в 7 лет мальчик получил должность пребендаря[21 - Пребендарий – духовное лицо, имеющее приход или пользующееся доходами от духовного места, или каноник, пользующийся пожизненной пенсией.] в главном соборе Валенсии. Образование его строилось тоже в соответствии с избранным ему отцом жизненным путем – в 12 лет Чезаре отправили в Перуджу вместе с его гувернером и воспитателем Хуаном де Вера.

Там он изучал каноническое право, а потом перебрался в Пизу, в тамошний университет. Он встретил там Джованни Медичи, того самого, которого папа Иннокентий сделал кардиналом в возрасте 13 лет. Собственно, и Чезаре стал епископом Памплоны в далекой Испании. Он, разумеется, не собирался ехать в свою епархию – на этот случай всегда можно было найти заместителя, – но доходы епископства очень помогли ему в студенческие годы. Хотя, конечно, и его отец, Родриго Борджиа, не оставлял юношу своим попечением. Ну, а в августе 1492-го, после смерти папы Иннокентия, перспективы Чезаре Борджиа и вовсе стали по-настоящему широки.

Кардинал Родриго Борджиа выдвинул свою кандидатуру на выборах нового папы римского.

И, в общем-то, никто этому не удивился. Он был хорошо известен, считался человеком обаятельным, был очень богат – а то, что у него были дети, которых он признавал своими, так и папа Иннокентий был заботливым отцом.

Даже сверхзаботливым – его сын Франческо Чибо, которого он женил на дочери Лоренцо Медичи, мог за одну ночь проиграть 14 тысяч флоринов, и при этом не разориться.

Если же говорить о довольно смутных источниках богатства Родриго Борджиа на его посту вице-канцлера Священной Канцелярии, то в Риме уже потеряли способность удивляться тому, что могло быть сделано с официальными документами Церкви. Дело было не только во всякого рода подкрутках, сделанных как бы официально, но и попросту в подделках. Римская полиция, прямо скажем, не отличалась ни особой компетенцией, ни таким уж пламенным рвением, но и она кое-что делала – и вот однажды полиция накрыла целую фабрику по изготовлению фальшивых булл с папской печатью.

Возглавлял предприятие священник, Франческо Мальденте, каноник из городка Форли, а помогал ему гравер папского двора и сын одного из докторов, служащих папе. Обычно они брали какой-нибудь подлинный документ, смывали чернила и потом вписывали нужное клиенту папское дозволение. Суть просьбы никого из фальсификаторов не волновала – скажем, какому-то просителю, священнику из Руана, было позволено жить с женщиной, которая радовала его сердце. А группе просителей из далекой Норвегии было позволено служить мессу без использования вина для причастия – довольно смелое вторжение в доктрину официальной Церкви. За буллу брали от 100 дукатов и до 2000, то есть цены были, в общем, довольно приемлемыми и клиентам более или менее по карману. Изготовителей фальшивок в данном случае поймали и повесили, но все знали, что деньги и «папские дозволения» – вещи взаимосвязанные. Еще папа Сикст накладывал на своих секретарей некую дань – как бы плату за должность, – и где, спрашивается, они должны были эти деньги изыскивать?

Взятки были делом настолько обычным, что без них не решались уже и самые обычные дела, пусть и вполне праведные. Примерно такая же картина складывалась и с добронравием. Рим был буквально набит борделями, проституция составляла чуть ли не главную статью городских доходов. Викарий папы Иннокентия, отвечавший за порядок в столице, издал было приказ, предписывавший всем мирянам и каноникам, проживающим в Риме, избавиться от своих незаконных сожительниц, от всех куртизанок, будь они

общеизвестными или теми, кто торговал собой на конфиденциальной основе, – и приказ был отменен сразу после того, как был издан.

Отменил его сам папа Иннокентий, который сказал своему викарию: «каноническое право делами проституции не занимается».

Каноническое право много чем не занималось. Например, образом жизни, принятым едва ли не всеми кардиналами курии. Согласно Грегоровиусу, монаху из Германии, побывавшему в Риме, кардиналы появлялись на публике на коне, в роскошной одежде и иногда даже с мечом, ножны которого тоже были украшены драгоценными камнями. У каждого кардинала был целый штат слуг, числом в несколько сот человек, в который входили и повара, и шуты, и хорошо вооруженные телохранители. Как правило, у кардиналов были любовницы, обычно из числа очень дорогих куртизанок, и они, в свою очередь, держали светские салоны, где собирались лучшие люди и из числа римской знати, и из паломников со всей Европы, которых в Риме тоже хватало.

Нет, кардинал Родриго Борджиа на этом фоне никак не выделялся – разве что в лучшую сторону.

IV

Но если Рим действительно привык ко всему и уже ничему не удивлялся, то в других городах Европы и даже и в Италии слышались и совершенно другие голоса. В прекрасной Флоренции появился монах из Феррары по имени Джироламо Савонарола, и на проповеди его сбегалось, случалось, чуть ли полгорода. Он происходил из старого падуанского рода и поначалу готовил себя к карьере врача – его дед Микеле Савонарола был известным доктором.

Он, однако, решил исцелять не тела, а души.

Нравы, которые он наблюдал вокруг себя, казались ему «языческими и эпикурейскими». Надо полагать, в значительной степени это так и было[22 - Когда при папе Иннокентии в Риме нашли в земле прекрасную античную статую бога солнца Аполлона, ее поместили в папском дворце, Бельведере, и

«Бельведерский Аполлон» очень быстро стал притчей во языцех во всех дворах итальянских государей как редчайшее произведение искусства. Тон задавала Флоренция – Лоренцо Медичи был, пожалуй, самым известным меценатом во всей Европе.]. В общем, все это донельзя раздражало Джироламо Савонаролу, и еще в 1475 году он ушел из дома и поступил в доминиканский монастырь, оставив дома написанную им книгу под красноречивейшим названием «О презрении к свету». С 1490-го он обосновался в самом центре гуманистических воззрений своего времени – во Флоренции. Не было города во всей Италии, где «язычество и эпикурейство» пустили бы такие глубокие корни, как во Флоренции в годы правления Лоренцо Медичи – и тут-то, по мнению брата Джироламо, и было самое правильное место для битвы с силами зла. В августе 1490 года он произнес поистине громовую проповедь, в которой пророчествовал, что «скоро Бог поразит своим гневом всю Италию».

Это произвело сильное впечатление.

К Лоренцо Медичи, правителю Флоренции, брат Джироламо отнесся неприязненно и даже отказал ему в исповеди, когда в апреле 1492 года тот оказался на смертном одре. Лоренцо умер 9 апреля – а Джироламо Савонарола разразился еще одной проповедью[23 - Текст проповеди излагается по книге «The Borgias», by Ivan Cloulas, в моем переводе с английского издания.], которая потрясла его слушателей.

Он сказал, что увидел в небе руку, держащую меч, и надпись, выведенную огнем: «Gladius Domini super terram cito et velociter», что в приблизительном переводе с латыни означало: «Меч Господень над землей, готовый разить стремительно». И зазвучали ангельские голоса, внятные брату Джироламо и гласящие, что Милость Божья будет праведным и Гнев Господень – согрешившим и в грехе своем упорствующим, а потом Меч повернулся острием к земле, и небо потемнело, и пролился дождь, но состоящий не из капель воды, а из мечей, стрел и огня, и прогремели Громы Небесные, и были спущены с цепи и Война, и Мор, и Голод...

Слушатели были поражены, все только и говорили, что Господь, уж конечно, покарает впавшее в тяжкие грехи христианство и не поможет и заступничество и Святой Церкви, ибо и она «смердит в язвах и гное пороков своих прелатов» – как говорил тот же брат Джироламо.

А уж когда по Италии распространились слухи о том, что врачи папы Иннокентия в надежде спасти своего пациента искупали его в крови трех молодых юношей, почти подростков, каждому из которых они посулили по золотому дукату, но платить им не пришлось, потому что от кровопускания они умерли – тогда мысли о близящемся уже Конце Света и вовсе обрели некую реальность. Что сказать? Иннокентий VIII скончался – даже самые отчаянные усилия врачей ему не помогли.

В начале августа 1492 года, как уже и было сказано, кардиналы собрались на конклав.

V

Еще в июле, до того как папа Иннокентий «отдал Богу душу свою и свой страждущий дух», в курии шли предварительные переговоры о кандидатуре наследника. Имелось две партии кардиналов – так называемая «миланская», выдвигавшая Асканио Сфорца, и так называемая «неаполитанская», кандидатом которой был кардинал Джулиано делла Ровере. Тот факт, что он еще недавно стоял во главе людей, враждебных королю Неаполя, был позабыт – теперь его отношения с Ферранте не оставляли желать ничего лучшего, и король даже предлагал ему помощь и содействие со стороны своих кондотьеров – Виргинию Орсини и Просперо Колонна. Король Ферранте, конечно, был крайне жесток даже по стандартам Италии того времени, но в отсутствии ума его никто не обвинял. Поскольку архиепископ Неаполя, заседавший в конклаве, был его врагом, он предпочитал купить поддержку клана делла Ровере – шансы кардинала Джулиано он расценивал как предпочтительные. Его уже поддержала Республика Генуя, а король Франции посулил ему несметную сумму в 200 тысяч дукатов. Согласно предварительным расчетам, на эти деньги Джулиано делла Ровере мог купить шесть голосов, девять у него уже было – с 15 голосами он получал большинство в две трети и, следовательно, победу.

У «миланцев» было семь голосов и перспективы на получение еще четырех. В семерку надежных голосов входил и голос кардинала Борджиа. Князя Церкви заперлись в Сикстинской капелле, и начались упорные торги. Испанский кардинал Бернардино Лопес де Карваджал вознес молитву, в которой просил Господа послать знамение Свое, дабы избранный оказался истинным

Избранником и смог бы исцелить раны Матери-Церкви и укротить грехи, снедающие живую плоть ее, – но нельзя сказать, что высокие соображения так уж сильно повлияли на выборы.

Оказалось, что ни «миланцы», ни «неаполитанцы» не в силах собрать нужные для победы 15 голосов, но вот кардинал Родриго Борджиа набирает 14. Ему был нужен один, всего один дополнительный голос – но он никак не мог получить его. Ему отказал даже непримиримый противник Ферранте, кардинал Карафа, и просьба о помощи, обращенная к совсем молодому кардиналу Джованни Медичи, тоже пропала втуне. В общем, неизвестно, чем бы это все окончилось, если бы не одно совершенно непредвиденное обстоятельство. В заседании участвовал Маффео Герардо, патриарх Венеции, по общему мнению, уже совсем выживший из ума. Ему было 95 лет, что и сейчас возраст очень преклонный, а по тем временам просто неслыханный, люди, как правило, умирали, не дожив до шестого десятка.

И вот именно он, пробудившись и проявив хоть какой-то интерес к происходящему, в ночь с 10 на 11 августа 1492 года вдруг подал голос за кардинала Борджиа. Таким образом, избрание состоялось, и городу и миру было объявлено, что новый Викарий Христа вступает на Святой Престол. И не только Викарий Христа, но еще и Епископ Рима, Преемник Князя апостолов, Верховный Глава Вселенской Церкви, Великий Понтифик, Примас Италии, Архиепископ и митрополит Римской провинции, Суверен Папского государства, раб рабов Божьих, а в земной жизни своей – кардинал Родриго Борджиа – стал папой римским и нарекся Александром.

Он был шестым папой, носившим это имя, и стал, таким образом, Александром VI.

Александр VI, раб рабов Божьих

Редко какое избрание папы отмечалось в Риме с такой пышностью, какой было обставлено «торжество избрания Александра VI». Надо сказать, это неудивительно – выборы прошли сравнительно мирно, в городе, правда, было убито около 200 человек, но массовых беспорядков не было, и дворцы потерявших фавор кардиналов толпа не громила.

Вечером 12 августа 1492 года по Риму прошла процессия из 800 человек, явившихся с факелами в руках приветствовать нового папу римского, но основная церемония, конечно, была организована позднее. Папа Александр был коронован тройной тиарой Викариев Христа 26 августа на ступенях базилики Святого Петра, в присутствии иностранных послов, осыпавших его похвалами и поздравлениями. Кардиналы к этому времени уже принесли ему все почести, положенные понтифику, – это было сделано внутри собора. Обставлено все было со всей возможной пышностью – кардиналов сопровождали их слуги, одетые в цвета своих хозяев – розовые, зеленые, белые, черные и так далее, богато украшенные серебром. Граф Никколо Орсини ди Питильяно на коне и в полном вооружении возглавлял торжественную процессию – он занимал должность капитана-генерала Церкви, то есть главнокомандующего папских войск.

Сам папа, Александр VI, следовал за ним в паланкине под золотым балдахином, украшенным желтыми и красными лентами. Концы мантии папы поддерживали два кардинала.

Всего в процессии участвовало добрых десять тысяч человек – были представлены все монашеские ордена, и все религиозные братства, и все знатные семьи, обязанные Церкви как ее вассалы и как викарии земель, пожалованных Церковью им в управление. В толпу кидали монеты, и не какую-нибудь мелочь, а серебро. Ликование было полным – юные девицы славили нового папу и пели гимны, специально сложенные в его честь, поистине ангельскими голосами.

Основной темой было смелое сравнение папы Александра VI с Александром Македонским.

Высказывалась мысль, согласно которой «Рим был велик при Цезаре, но при Александре Великом он станет еще более великим». Соотнесение неперемогенного «величия Рима» с его государем, Александром VI, уже авансом нареченным Великим, было неопровержимо...

Повсюду висели флаги, украшенные гербом Борджиа – могучим быком на красном поле, – а дальше всех пошел кардинал Барбо: у его дворца была установлена срочно изготовленная скульптура в виде быка. К ней был подведен фонтан, так что из ноздрей быка били струи воды, к всеобщему изумлению и ликованию.

После окончания церемониальной проверки папских гениталий – правило было заведено для того, чтобы предотвратить появление второй папессы Иоанны[24 - Папесса Иоанна – легендарная личность, женщина, якобы занимавшая папский престол под именем Иоанн VIII, между Львом IV (умер в 855) и Бенедиктом III (умер в 858). В принятом в настоящее время списке римских пап имя Иоанн VIII носил реальный папа, правивший несколько позже – в 872–882 годах. После этой истории каждый новоизбранный понтифик (до Льва X) проходил процедуру определения пола с помощью прорезного стула.], на все четыре стороны света, на север, юг, восток и запад, были отправлены гонцы, с тем чтобы донести весть об избрании папы и о том, что трон Святого Петра снова заполнен и занят новым избранником.

Гонец, посланный на запад, добрался до Валенсии за неслыханно короткий срок, всего за 18 дней, и сообщил жителям Хативы, что их бывший земляк вознесся над миром. Он спешил не зря – его наградили такой суммой денег, что он смог дать приданое двум своим дочерям.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Великий западный раскол, Папский раскол, Великая Схизма – раскол в Римской церкви в 1378–1417 годах, когда сразу два (а с 1409 года – три) претендента объявили себя истинными папами.

2

Хождение в Каноссу, или Каносское унижение (нем. Gang nach Canossa, Canossagang; итал. l'umiliazione di Canossa), – датированный 1077 годом эпизод из истории средневековой Европы, связанный с борьбой римских пап с императорами Священной Римской империи. Эпизод ознаменовал победу папы Григория VII над императором Генрихом IV.

3

Вселенский Собор в городе Констанце, собранный там по настоянию императора Священной Римской империи Сигизмунда. Проходил с 16 ноября 1414-го по 22 апреля 1418 года. Собор в Констанце восстановил единство Католической церкви.

4

The Borgias, by Ivan Cloulas, Franclin Watts. New York, Toronoto, 1989, page 15.

5

Флорентийский Собор, состоявшийся при понтификате папы Евгения IV, сначала собрался в Ферраре, а потом во Флоренции. В то время как Латинская церковь с

трудом выходила из великого раскола, который пошатнул ее устои, и в то же время, когда схизматический Собор продолжал работу в Базеле, Флорентийский Собор ставил перед собой задачу воссоединения отдельных Восточных церквей. Единство веры, которое должно было служить основой сближения, требовало обсуждения тех догматических аспектов, которые Восточные церкви не признавали. Длительные и трудные дискуссии завершились разными объединительными декретами, в основном с греками в 1439 году, с армянами, коптами и, наконец, с эфиопами (яковитами) в 1442 году.

6

The Borgias, by Ivan Cloulas, page 23.

7

Same book, same page.

8

Перевод с английского текста сделан автором и может отличаться от канонического русского варианта.

9

Театр Марцелла (лат. *Theatrum Marcelli*, итал. *Teatro di Marcello*) – театр близ правого берега Тибра в Риме, строительство которого было задумано Юлием Цезарем, а осуществлено Октавианом Августом, который в 12 году до н. э.

посвятил его памяти своего покойного племянника Марка Клавдия Марцелла. При диаметре в 111 м театр мог вместить 11 тысяч зрителей.

10

Каликст III приказал пересмотреть процесс, в результате которого в 1431 году была приговорена к сожжению на костре Жанна д'Арк. Рескрипт о ее реабилитации был подписан 7 июля 1456 года.

11

Трастамара – династия, правившая изначально в Кастилии, а позже распространившая свою власть на Арагон, Сицилию, Неаполь и Наварру.

12

Анжу – ветвь дома Капетингов, основана Карлом I Анжуйским (1220–1285), сыном Людовика VIII. В 1250 году Карл I Анжуйский получил в приданое Прованс, в 1266–1268 годах завоевал Неаполь и Сицилию. В 1282 году Сицилия свергла его власть, и Карл I Анжуйский остался королем Неаполя.

13

Процесс, начатый против гуманистов Помпония Лета (1428–1497) и Платины (ум. в 1481), показал, что они не представляют опасности для папства. Павел II приказал освободить их, а его преемник, Сикст IV, назначил Платину префектом Ватиканской библиотеки.

14

Этот вопрос в гораздо больших подробностях рассмотрен в книге: *The Borgias: The Rise and Fall of the Most Infamous Family in History* by Michael Edward Mallett, 2005.

15

The Borgias, by Ivan Cloulas, page 43.

16

Погребение совершили в старой базилике Св. Петра (ныне – гроты Ватикана).

17

Лодовико был известен по его прозвищу – «Il Moro», «Мавр», и мы на страницах этой книги с ним еще встретимся.

18

Султан Джем был женат на Елене Орсини, дети: Абдулла, принц Саид (1473–1481). Содержался при дворе в качестве заложника еще своим дедом, султаном Мехметом, и был убит по приказу дяди Айша, принцесса Саид

(1473–1505), Огуз Кан (Хан) Саид (1474–1483). Был убит в возрасте 9 лет. Сведения эти, однако, не вполне точны, потому что они есть в русской версии Wiki, но в английской их почему-то нет. Кроме того, не удалось найти никаких следов предполагаемой жены султана Джема, Елены Орсини. Она могла попасть в Турцию в качестве пленницы, но имела ли она какое-то отношение к знаменитому римскому семейству Орсини, я не знаю.

19

Сикстинская капелла (итал. Cappella Sistina) в Риме, бывшая домовая церковь в Ватикане. Построена в 1473–1481 годах архитектором Джордже де Дольчи по заказу папы Сикста. Первые росписи стен были сделаны в 1481–1483 годах Сандро Боттичелли, Пинтуриккьо и другими мастерами. Микеланджело тоже работал там, но много позднее.

20

Дневник Иоганна Бурхарда, папского церемониймейстера, послужил для позднейших историков истинным кладезем всевозможных сведений о ежедневной жизни папского двора того времени – с 1483 по 1506 год. Мы будем часто его цитировать.

21

Пребендарий – духовное лицо, имеющее приход или пользующееся доходами от духовного места, или каноник, пользующийся пожизненной пенсией.

22

Когда при папе Иннокентии в Риме нашли в земле прекрасную античную статую бога солнца Аполлона, ее поместили в папском дворце, Бельведере, и «Бельведерский Аполлон» очень быстро стал притчей во языцех во всех дворах итальянских государей как редчайшее произведение искусства. Тон задавала Флоренция – Лоренцо Медичи был, пожалуй, самым известным меценатом во всей Европе.

23

Текст проповеди излагается по книге «The Borgias», by Ivan Cloulas, в моем переводе с английского издания.

24

Папесса Иоанна – легендарная личность, женщина, якобы занимавшая папский престол под именем Иоанн VIII, между Львом IV (умер в 855) и Бенедиктом III (умер в 858). В принятом в настоящее время списке римских пап имя Иоанн VIII носил реальный папа, правивший несколько позже – в 872–882 годах. После этой истории каждый новоизбранный понтифик (до Льва X) проходил процедуру определения пола с помощью прорезного стула.

Купить: https://telnovel.me/ru/tenenbaum_boris/velikie-bordzhia-genii-zla

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)